

ZOTOB®

СКАЗОЧНИК

СМЕРТЬ ТОЖЕ НЕДОВОЛЬНА
СВОЕЙ ЖИЗНЬЮ

Зотов (Зотов) Г.А. Москва. Сказочник (сборник)

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17033644
Москва. Сказочник (сборник): АСТ; Москва; 2015
ISBN 978-5-17-094060-8*

Аннотация

«Москва». Альтернативная история, где Германия победила во Второй мировой войне... книга вызвала скандал в Госдуме и попытки запретить публикацию.

«Сказочник». Трогательная история, рассказанная от лица самой Смерти, подружившейся с больным ребенком из Питера, получила номинацию на премию «Большая книга» и восторженные отзывы критиков.

Что объединяет два столь разных романа Зотова под одной обложкой? Необычность сюжетов и полное отсутствие тормозов у автора. Поверьте... это просто стоит прочитать.

Содержание

Москва	5
Часть первая	5
Пролог	5
Глава 1	14
Глава 2	22
Глава 3	28
Глава 4	38
Глава 5	47
Глава 6	59
Глава 7	66
Глава 8	75
Глава 9	85
Часть вторая	95
Глава 1	95
Глава 2	102
Глава 3	110
Глава 4	122
Глава 5	131
Глава 6	141
Глава 7	150
Глава 8	162
Конец ознакомительного фрагмента.	163

Зотов
Москва. Сказочник
(сборник)

© Зотов Г. А.

© ООО «Издательство АСТ», 2015

Москвау

Часть первая Повелитель гномов

*О ты – Вальгалла, где пируют боги,
Открой ворота мне, раскинь свои дороги.
Желаю в зал войти, где мертвецы сидят,
В боях погибшие – мой меч в руке зажат...*

Manowar, «Gates of Valhalla»

Пролог

– Неужели вы думаете – всё ЭТО существует на самом деле?

Она улыбается – не во весь рот, а чуть-чуть, показывая белые зубки, словно собирается укусить. Глаза блестят, тонкие пальцы стиснули ножку бокала. Женщины обожают спорить. Не ради истины, а из чистого упрямства: поскольку никогда не признают себя проигравшими. Бьюсь об заклад – в такие моменты, как этот, она даже возбуждается.

Я выдерживаю театральную паузу: притворяюсь, что сво-

им вопросом она застала меня врасплох. Чёрная штора с печатями в виде рун колыхается от струек воздуха из кондиционера. Мёртвая тишина. Плотные закрытые окна не пропускают стоны машин, застрявших в пробках. Огоньки свечей мерцают в полумраке, как глаза волков.

Моё жилище легко принять за логово охотника – куда ни кинь взгляд, на стенах прикреплены витые рога туров и побелевшие черепа оленей. Стол, за которым мы ужинаем, стоит на медвежьей шкуре – нарочито грубой выделки. В центре гостиной – валун, привезённый из болот Норвегии. Шикарная вещь, цельный гранит.

– Само собой, – спокойно отвечаю я. – У меня в этом нет ни малейших сомнений.

Она отпивает из бокала красное вино. Её щеки розовеют. Скоро начнётся атака.

– Ну, хорошо... отчасти я могу согласиться. Допустим, на месте нашей планеты и вправду зияла лишь чёрная бездна Гинунгагап, разделяющая царства льда и огня. Царства тысячелетиями ползли друг к другу и наконец соединились – произведя на свет мускулистого гиганта Имира и корову Аудумла. Дальнейшее для меня спорно, но... и в это я способен поверить. Капли пота Имира сотворили первых людей – мужчину и женщину, одна нога гиганта совокупилась с другой и зачала сына... так на Земле посреди ночи и гроз возникли ледяные великаны. Нет, я над вами не смеюсь. Если историки до сих пор ведут бесконечные споры о Великой

Битве... кто возьмёт на себя ответственность утверждать, что случилось миллион лет назад? Откуда появилось человечество? Вышло из океана, упало с небес или выползло из подземелий? Мы можем только догадываться.

Она ставит бокал на место. Кокетливо поправляет пушистую прядь.

– Но в остальном... о, простите меня, я учиню детальный допрос. Давайте разберём всё по косточкам. Итак, в небесах парит страна Асгард, где обитают боги. Это в порядке вещей – все народы помещают своих богов повыше: штаб-квартира христианства тоже среди облаков, греческие божества населяли гору Олимп, а бог Шани у индуистов – и вовсе олицетворение планеты Сатурн. Боги просто обязаны витать высоко – если они будут жить с нами, то через неделю сойдут с ума. Включаем воображение и видим воочию одно из зданий в Асгарде – прославленную Вальгаллу. Банкетный зал Одина, зал для вечного пиршества, обжорства и секса – мёртвые солдаты еженощно пожирают мясо вепря Сехримнира, упиваясь мёдом из сосцов козы Хейдрун. После ужина покойников ублажают прекрасные девы. Пятьсот сорок дверей, крыша из золочёных щитов, подпираемая колоннадой из копий. Споры нет – для одичавшего во фьордах, немытого средневекового викинга это вполне обыденная картина рая. Но для нас, живущих в циничный век *эфунков* и всемирной сети Сёгунэ? Смотрящих телевизор в 3Б-очках? Мы не можем и шага сделать без техники –

не в силах оторвать зад от дивана... и управленец, на чьей совести изобретение пультов, сделал на этом состояние. Разве рай викингов предназначен для современного человека? Нет. Лично вы – верите в Вальгаллу?

Я отрезаю себе кусочек свинины. Аккуратно жую. Пшеничное пиво в бокале ласкает взгляд, по стеклу ползёт капелька... Я не пью вина – непатриотично. Она? Ну что ж, ей можно. По сравнению с тем, что она УЖЕ совершила, это в принципе полная ерунда.

– Я скорее верю в Вальгаллу, чем в библейский рай, – сакхарным голосом отвечаю я в тот самый момент, когда девушка начинает терять терпение. – Она куда логичней. Любой человек в рейхскомиссариате, от старухи до младенца, имеет воинское звание, и это оправданно. Ведь войти в чертоги Вальгаллы может только эйнхерия – воин, павший в открытом бою, с мечом в руке. Не скрою, такие правила порой приводят к странным вещам. Кондукторы в автобусах и те считаются подразделением, со своими званиями. Заведующий пекарней приобретает чин «унтер-офицера хлебобулочных изделий» и особые чёрные петлицы с колосками. Гинекологов и вовсе объединили в зондеркоманду: на их гербе изображена обнажённая валькирия, раскрывающая ладонями своё сердце...

– Вот этого я никогда не понимала, – прерывает меня она. – Почему именно сердце?

– А что же, по-вашему, ей нужно раскрыть? – кротко от-

вечаю я.

Она мгновенно пунцовеет. Притворяется, что увлечена вином.

– Попасть в рай хотят все – это условие земного бытия. – Я промокаю губы салфеткой. – Веди себя хорошо тут, и тебе воздастся ТАМ. Вальгалла упрощает этот вариант. Не нужно соблюдать пост, молиться – достаточно лишь убивать и умереть на поле битвы. Это точка зрения не только викингов, но и мусульман. Вас смущает конкретно коза Хейдрун? Ну, ей необязательно там быть. Я допускаю, если угодно, модификацию Вальгаллы. В современном варианте она может быть переоборудована хоть в суши-бар.

Она резко, одним глотком осушает бокал. Блеск в глазах тускнеет.

– Но фюрер не в Вальгалле! – чеканит девушка. – Если он и есть где-то – то в аду.

Я неторопливо обмакиваю мясо в сладкую горчицу. Вожу кусочек по тарелке.

– Ад – это наша жизнь, – поясняю я, сопровождая слова вежливой улыбкой. – И вы вырветесь из этого ада, только если умрёте. Следуя логике жрецов, фюрер наслаждается отбивными из вепря Сехримнира. Да, я в курсе – он не умер с мечом в руке. Но какая разница? На данный момент фюрер является торговой маркой, а не вождём нации. Его изображения на мобильных телефонах, зажигалках, презервативах – это чистая коммерция. Сейчас никто не сложит голо-

ву за фюрера. За японские иены – пожалуйста, в крайнем случае, за рейхсмарки. Увы, офисный планктон не попадёт в Вальгаллу...

Я отдаю должное *вурстсалату* – славному созданию из колбасы, картошки и пары капелек майонеза. Нарастает ощущение, что в нашем ужине есть нечто извращённое, даже неприличное. Но мне оно нравится. Ей, пожалуй, тоже. Фюрер? С ним не всё так просто, это признают даже умудрённые годами жрецы, прошедшие практику в пещерах Норвегии. Вождь умер 20 октября 1942 года – в разгар парада на площади Нибелунгов, годовщины победоносного вступления армии в столицу Руссланда. Партизан-одиночка на грузовике, доверху набитом взрывчаткой, врезался в трибуну у Кремеля. Вместо меча фюрер держал в руках стопку бумаг: произносил пламенную речь. Верхушка рейха сгорела в огне взрыва за секунду – от них и молекулы единой не осталось. В компании с фюрером экспрессом в Вальгаллу отправились Гиммлер, Борман, Мюллер, Геббельс, Геринг. Я помню, как в Высшей школе жрецов один наивный блондинчик спросил: «А разве канцеляристы, вроде рейхсляйтера Бормана, попадают на пир к богу Одину?» Парня сразу отчислили, без объяснений. Потом в киоске сосисками торговал.

– Без веры в Вальгаллу я не стал бы жрецом Одина, – продолжаю я, глядя ей в глаза. – Духовность сейчас не в моде. Проще выпускать те же зажигалки с портретом фюрера –

их отлично раскупают японские туристы. Или уйти работать в Институт поиска арийских корней, это популярно среди девушек вашего возраста – на пять лет уезжаешь отшельником в Тибет, занимаешься раскопками у горы Кайлас, отыскивая следы стоянок первых арийцев. Лепёшки из ячменной муки, чай с маслом яка – и небывалое просветление. Но я искренне верю в ритуалы викингов – и не только потому, что это официальная религия рейха. Побывайте в Трондхейме, он впечатляет не меньше, чем Иерусалим. И не станем придирааться к козе – у христианства ещё больше ляпов.

Она молчит, смотрит в сторону. Обиделась. Вот и веди беседу со *шварцкопфами*: переубедить их просто невозможно. Возразить нечего – так сразу надувает губы. Девушка берёт проклятый ею же пульт и, бесцельно щёлкнув кнопкой, включает телевизор.

Рекламный блок. Когда ни включи, обязательно попадётся на рекламу.

– Только компьютеры «Сони» докажут тебе, что ты истинный ариец, – щебечет с экрана соблазнительная блондинка в кимоно. – Грузятся лишь после анализа ДНК пользователя. Оснащены операционной системой «Сакура» – на руссландском языке. Конничи-ва...

В рейхе, к сожалению, хорошо умеют делать только сосиски и ракеты. Всё остальное у нас – японское. Электроника, кухонные плиты, даже авторучки. Влияние Ниппон коку таково, что у фроляйн в чести пластические операции

на веках – под азиатский разрез глаз. Японская еда исключительно популярна. К колбаскам с пивом – и то подают вазаби. В уличной рекламе на порядок больше иероглифов, чем готического шрифта. Рейх плавно поглощает тэнкоку¹ – и не удивлюсь, если фюрера мы в итоге станем называть микадо².

Я чувствую, что пора нарушить взаимное молчание.

– Вам пора отдохнуть. – Салфетка мягко ложится на стол. – Давайте, я провожу.

Мы идём в спальню. Чёрные тона, обои с изображением скрещенных топоров. Дизайнер вдохновлялся средневековой пещерой викингов – ну что ж, затея удалась. Веет даже некоторым подобием сырости – но это скорее заслуга кондиционера. Девушке тут не нравится, я знаю... *Шварцкопфы* не ценят стиль. Сожалею – выбора у неё нет. Широкая двуспальная кровать. Я тактично отворачиваюсь, пока она скидывает платье и переодевается в пижаму. Ей хочется, чтобы я обернулся: но у меня имеется выдержка.

– Спокойной ночи, – обезличенным тоном шепчет она, скользнув под одеяло.

– И вам того же, – говорю я и пристегиваю её запястье наручниками – к спинке кровати.

Она не реагирует. Ресницы опущены.

– Сами понимаете, – грустно вздыхаю я. – Это исключи-

¹ Империя (японск.). – Здесь и далее примеч. автора.

² Император (японск.).

тельно для вашего блага.

Я тихо закрываю дверь – на ключ, кладу его в карман. В спальне светится глазок камеры. Пусть меня и нет рядом – я вижу всё, что делает пленница. Нет, мастурбация тут ни при чём. Когда такое происходит, я сразу выключаю монитор – вы и представить не можете, что способна вытворять женщина одной свободной рукой, – и слушаю стоны в динамиках. Зачастую мне кажется – она делает это не столько для своего удовольствия, сколько из желания соблазнить меня. Кто из женщин откажется переспать со священником – даже если это и языческий жрец? На первых порах, когда ещё не зажили две раны на плече, девушка пыталась освободиться, но лишь ободрала наручниками запястье. Теперь всё нормально, хотя и расслабляться тоже не стоит. Завернулась в одеяло – кажется, спит.

Отлично, а то у меня ужасно кружится голова.

На то, чтобы раскалить углями поверхность валуна из Норвегии, уходит четверть часа. Горячо и жарко – чувствуешь себя поваром на кухне. Я беру нож – сталь приятно холодит руку. Провожу по ладони... кровь капает на гранит, шипя и пузырясь. Руны покрываются бурыми разводами. Ноздри, вздрагивая, обоняют запах – тяжёлый, как на бойне.

...В голову приходит боль. Кожу колет электрическими разрядами. В глазах – белые всполохи. Я что-то вижу – и не могу понять, что. Какие-то жуткие очертания.

Нормально. Такое у меня бывает. Через пару минут всё

пройдёт.

Глава 1

Город Соси

(воздушное пространство, Руссланд)

...Павлу решительно нечем было себя занять. Скука смертная. Старенький пассажирский «юнкерс» авиакомпании «ЛюфтШтерн», выполнявший рейс из Гонконга в Москву, был набит под завязку и трясся, как трамвай. Потёртые кресла эконом-класса, ненавистный запах разогретой в микроволновке еды, стюардессы с улыбками мучениц, с трудом передвигающиеся на опухших от долгих перелётов ногах. Всё как всегда в командировке. Он полистал журнал, послушал музыку в наушниках... Как же тяжело бездельничать десять часов! Уснуть не получалось – сиденье было жёстким и неудобным.

С местом ему вообще ужасно не повезло.

Он оказался посередине. Слева (у окошка) и справа кресла заняли японцы. Старичок и старушка. Оба – в idiotских панاماх, в коих жители Ниппона бегают по всему миру, цветастых рубашках и штанах. Чем-то напоминали домашних собачек – бестолковых и слюнявых. И конечно же с камерами. Даже в туалете фотографировались. Дедушка-японец рассеянно развернул рекламный проспект, сквозь очки вглядываясь в лозунг:

ПОСЕТИТЕ ОЗЕРО БАЙКАЛ –

ЖЕМЧУЖИНУ РЕЙХА!

Туристическая коммерция в Москау за последние пару лет скукожилась вдвое – как и рейхсмарка по сравнению с иеной. Вся надежда – только на поездки японцев. А где комиссариату ещё взять денег? От промышленности остались рожки да ножки. Санкт-Петербург (может, тогда уж – Петербург, если на немецкий лад. Или Петерштадт...) летом наводняют группы из Ниппон коку – да-да, в этих придурочных панамах. Экскурсоводы с ног сбиваются, таская их от памятника фюреру работы Сальвадора Дали до Петергофа и ярмарок, где можно купить пасхальное яйцо со свастикой. И мало кого интересует: по плану «Барбаросса» от 22 июля 1940 года Питер собирались сравнить с землёй – даже, говорят, инструкция подробная существовала. Да что там Питер – Москау, согласно тому же плану, думали превратить в водохранилище. Любопытно, откуда взялись столь дикие фантазии? Вряд ли кто признает, но ощущение, будто половина окружения фюрера в те времена плотно сидела на ЛСД.

Японец перелистнул страницу. Море и пальмы. Девушка в купальнике держит коктейль.

– Гомэн кудасай³, – обратился он к Павлу, ощерив рот. – Вы гаварита руссландски?

В другой момент Павел притворился бы, что не понял вопрос. Но лететь до Москау ещё прилично. Какая разница, если судьба заперла тебя в узком пространстве среди облаков с двумя идиотами. В этой ситуации и они – дар Божий, чтобы скоротать время.

– Конничи-ва, добрый сенсэй, – улыбнулся он. – Чем могу быть вам полезен?

Дедушка ткнул ногтем в девушку на картинке, попав прямо в силиконовый бюст.

– Парастите, – произнёс японец, ужасно коверкая язык. – Мы с зеной будем в Москау два дыня. А патом хатим на море. Никаки не могу выбрать курорт. Город Соси хорось?

Самолёт провалился в воздушную яму. Пассажиры вцепились в подлокотники. «Соси?! – мысленно рассмеялся Павел. – Сказал, как отрезал. Сейчас я ему устрою».

Он нажал кнопку на подлокотнике слева, плавно отъезжая назад.

– Положа руку на сердце, Сочи сложно рекомендовать, – с каменным лицом заявил Павел, поглядывая на японца. – Рейхскомиссариат Кавказ, эти земли наиболее пострадали от Двадцатилетней Войны. Обслуживание никакое, гостиницы переделаны из казарм, в море попадают плавучие мины. Похищения туристов – не редкость, абреки часто спус-

³ Извините, пожалуйста (*япон.*).

каются с гор в долину, устраивают засады на шоссе, подрывают канатные дороги. И кстати, еда неоправданно дорогая. Даже кукуруза, что продают на пляжах бывшие legionеры турецких подразделений СС, обойдётся вам, сенсэй, в добрую сотню рейхсмарок.

Японец закивал. Чувствовалось, понимает далеко не всё. Павел не пытался перейти на немецкий – по его опыту, узкоглазые сыны Ниппон коку редко владеют хохдойчем.

Он искоса бросил взгляд на проспект. Лазурное море, пальмы, бокалы с коктейлями и хохочущая девушка в смелом купальнике «пенемюнде». Определённо фотомонтаж.

...Павел вновь почувствовал запах гари. Увидел мёртвые города. Чёрные остовы домов. И дым, стелящийся над реками, полными трупов. Да... он отлично помнит – как это было...

К лету 1984 года, когда флаги рейха были водружены над укреплениями на Урале, среди джунглей Южной Африки и Латинской Америки, в правящей элите Великогермании произошёл раскол. Никто не хотел уступать. СС желали контролировать нефтяные вышки, вермахт стремился к алмазным шахтам, а гестапо претендовало на урановые рудники. Любой историк расхохочется от банальности – империю всегда губят деньги и роскошь. Орды Чингисхана добрались от степей Китая к костёлам Польши, но держава монголов развалилась на части. Если воин нагружен золотом, как осёл, зачем ему идти в бой? Он грезит о вине и женских

ласках. Военная элита рейха мутировала в финансовую олигархию. В делёж мировых ресурсов включились все: даже военно-морские силы во главе с трясущимся стариком Деницем в инвалидной коляске. Во время Двадцатилетней Войны чудом (наверное, кто-то хорошо помолился Тору) не дошло до ядерных ударов – ведь рейх ещё в 1944 году испытал на острове Пенемюнде свою первую бомбу. Но, увы, авианалёты серьезно повредили корпуса атомных электростанций. В воздухе до сих пор полно радиации, а дозиметр – такой же элемент кабинетного декора, как кондиционер...

– Скажите, а в Соси хорошая рыбарка? – не унимался старик-японец.

Павел не услышал его – не из-за рёва турбин. Он погрузился в воспоминания.

Двадцатилетняя Война раскатала в блин каждый рейхскомиссариат – и Ост, и Украину, и Кавказ, и Туркестан. Отдельным городам повезло – они не пострадали, однако в Москау, Киеве и Минске развернулись тяжёлые бои. Рейх пожирал себя изнутри – а в это время Ниппон коку богатели, выдавая займы воюющим сторонам. Каков итог? Экономика империи мертва, только Москау держится на плаву – на Кавказе же, говорят, как в старину, туземцы меняют шкурки рысей на коровье масло. Зато Япония распухла, подобно тесту на дрожжах, – небоскрёбы с неоновой рекламой штыками пронзили небо, и не только в Токио, но и в Шанхае, в Маниле, Сиднее. По условиям *раздела*, Ниппон владеет поло-

виной мира – Китаем, Австралией, откусила от США Аляску, Сиэтл и Неваду, заняла русландские Сибирь и Дальний Восток. Нефть, золото, газ – в карманах у желтопузиков, лихо они подсустились. В семидесятые годы японский император Хирохито особым указом подарил рейху озеро Байкал... потом жалел, наверное. Девушки Москау по горло укутались в кимоно, в телевизорах – сплошные манга и аниме. Вот оно – ползучее порабощение планеты без танков и самолётов, одной лишь невидимой силой моды. Теперь Ниппон трескается от денег, а рейх ничего не производит, кроме оружия.

Но кому продать оружие, если мир УЖЕ завоёван?

– Рыбалка? – очнулся Павел. – Рыбы полно, дорогой сенсэй. Бурлит, окаянная, просто из воды выпрыгивает. Совет – лучше рыбачьте не с удочкой, а с пулемётом. Смотрели телевизор? На прошлой неделе акула-мутант напала на катер возле Адлера, было много жертв. Есть и крабы-убийцы... радиация повлияла на них слишком сильно.

Японцы озабоченно зашущукались, шурша панاماми. Простецкий народ, обоих совсем не волнует, что разговор приходится вести через соседа. Даже не догадались поменяться с ним местами. Он смотрел на их морщинистые лица – словно два шарпея обнюхивают друг друга. Да. Что тут поделаешь – раса господ.

– Аригато годзаимас⁴, – выдавил из себя старик. – Гаспа-

⁴ Большое спасибо (япон.).

дина, вы нам осень помогри.

Его жена радостно закивала. Похоже, она не могла взять в толк смысл беседы. Чихнув, японка полезла в сумочку – видимо, за платком. Долго брэнчала внутри, напряжённо улыбаясь, но так ничего и не достала. Муж, зажав рот ладонью, зашёлся сухим кашлем.

Старческие болести. Будут жрать таблетки. Пора *ауфвидерзенькаться*.

– Всегда пожалуйста, – вздохнул Павел. – Прошу прощения, мне нужно выйти.

Он прошёл по коридору между креслами. Чувство, что сидишь внутри огромной пчелы, – в голове жужжит, в уши кто-то напихал ваты. Кабинка туалета эконом-класса – уютная, как гроб. Интересно, как в порнофильмах тут занимаются сексом? В такой клетушке и морским свинкам не трахнуть-ся. Кран брызнул струйкой горячей воды, Павел ополоснул опухшее от бессонницы лицо. Взглянул в зеркало, скривился. Не лучший вариант. С другой стороны, как же ещё выглядеть в сорок лет, если ты живёшь на работе, а конторе жаль денег, чтобы её специалист летел с комфортом? Впалые щеки, залысины по бокам черепа, нос ястребиный, крючком... глаза и вовсе прозрачные, будто холодец. Павел не так уж плохо помнил свою внешность в раннем детстве. Красавцем не был уже тогда, а если вспомнить рост... Ладно, после фюрера маленьким быть модно. Сойдёт.

Вытащив из кармана одноразовую бритву, Павел тщатель-

но побрился.

Он вернулся на свое место. Самолёт шел на снижение, к горлу подкатил вязкий комок тошноты. Японцев в креслах не было, куда-то убежали. «Господа, пристегните ремни, через полчаса наш самолёт совершит посадку. Погода хорошая, плюс тридцать пять градусов, радиационный фон, согласно сводке радио, нормальный – при выходе в город защитные маски не понадобятся», – разнёсся по салону металлический голос стюардессы. Павел не смотрел в иллюминатор: однотипные пейзажи давно приелись.

У трапа его встречали. Два человека – несмотря на жару, в серых плащах.

– Приветствую вас в Москау, штурмбаннфюрер, – щёлкнул каблуками первый.

Второй молча протянул руку к чемодану Павла. Тот не возражал.

– Ещё раз приносим извинения, что пришлось вызвать вас из Гонконга, – продолжил первый. – Полагаю, перелёт долгий? Вам следует отоспаться, едем в гостиницу.

– Нет, – покачал головой Павел. – Выплюсь ночью. Давайте уж сразу в гестапо.

...Пожилая, крашенная в блондинку стюардесса, с орлом (эмблемой «ЛюфтШтерна») на берете, вытянулась по стойке смирно, глядя, как троица садится в представительский «опель-адмирал». Она подавила в себе желание вскинуть руку в партийном приветствии – «зиг хайль» был отменен по-

сле окончания Двадцатилетней Войны. Как и сама партия.

Глава 2

Отель «Сакура»

(офис на шестом этаже, через 3 часа)

...С некоторой горечью:

– Я крайне разочарован вами, Итиро-сан.

– Я сам разочарован собой, Онода-сан. Позвольте, я напишу на эту тему стихи, а потом совершу обряд сеппуку. Я взрежу себе живот крайне аккуратно и не запачкаю пол. Я специально принёс непромокаемый плащ и шесть метров целлофана.

– А мне потом сжигать ваш труп по частям в камине гостиницы? Нет, спасибо. Насколько известно, и вам, и вашей жене было выплачено два миллиона иен за особый заказ. Императорская комендатура Гонконга устроила, чтобы вы сели на борт «юнкерса» без досмотра. Нет, я уже слышал ваши оправдания. Но вряд ли их захотят слушать другие.

– *(Тяжёлый вздох.)* Я понимаю вас. Чем это может мне грозить?

– Всем, вообще-то. Деньги, которые вы положили в «Микадо-банк», заморожены. И ваша семья их не получит, пока задание не выполнено. Приношу вам извинения, любезный Итиро-сан, но... сколько примерно вам осталось до встречи

с Амагэрасу?⁵

– (Пауза.) Как указывают врачи – около недели. Благодарю за ваше внимание.

– (Шипение потушенной в пепельнице сигареты.) Тогда я с прискорбием констатирую: у вас есть ровно семь дней, чтобы завершить миссию. В любом случае, похороны за счёт государства. Из чистого уважения к вашим прошлым заслугам, дорогой Итиро-сан.

– Я не заслуживаю даже пылинки уважения, Онода-сан.

– Прекрасно, так попробуйте его вернуть заодно со своими деньгами. Это единственный способ обеспечить достойную жизнь ваших детей. На эту неделю я предоставлю вам всё необходимое, в том числе и рейхсмарки. Не такая стойкая валюта, как иена, но... зато вы можете расплачиваться этими фантиками по Европе – как в Москау, так и в рейхс-комиссариатах Норвегия, Украина и Нидерланды. Только в Италии рейхсмарку не берут. Предпочитают свои замурзанные лиры... Итальянцы – опереточная нация: они паразитируют на былой славе легионов Цезаря, хотя на деле с трудом покорили босяков из Абиссинии... им следует не воевать, а танцевать тарантеллу. И эти еженедельные телешоу «Алло, дуче!». Романо Муссолини столь же эксцентричен, как и его отец, – синьору за восемьдесят, а ведёт себя, словно студент. Игра на саксофоне в пьяном виде на собрании

⁵ Богиня Солнца в японской мифологии, повелительница загробного мира.

держав Судзику-коку⁶, роман с одряхлевшей Софи Лорен... и смех, и грех. Снимайте квартиру посуточно, в гостиницах полно агентов гестапо. Вам ведь известно, что здешняя империя – довольно рыхлая структура? Это не единое государство, а своеобразный союз враждующих рейхскомиссариатов, даже столица у них «плавающая». В прошлом году был Амстердам, а вот сейчас – Москау.

– Благодарю, Онода-сан. Алмазы ваших мыслей обогащают бедность моего разума.

– (*Щелчок зажигалки.*) Клянусь микадо, вам будет нелегко. Да, вы немножко владеете руссландским, изучали в рамках профессии... но теория и практика – это всегда две разные вещи. Руссландцы – специфическая нация. Они ксенофобы и одновременно обожают всё иностранное, особенно если сделана правильная реклама. Например, вы знаете, в Москау популярна японская еда. Мы произвели фурор за какие-то десять лет.

– (*Кашель.*) Примите моё восхищение, Онода-сан. Меня всегда удивляло, что Третий рейх повально ест суши, считает национальной японской едой, да и вообще здоровой пищей. Если это заслуги отдела рекламы при дворе микадо, то им следует поставить памятник. Подумать только, превратить японский корм для кошек в местную гламурную закуску.

⁶ Ось (*япон.*) – этим термином принято называть союз Рим – Берлин – Токио: военный блок Италии, Третьего рейха и Японской империи с 1940 г.

– Да, благодаря этому Ниппон коку не знает проблем со сбытом обрезков сырой рыбы. В остальном – всё то же самое. Вы обратили внимание на количество блондинов в Москау?

– (*Пауза.*) Действительно. Всюду только светлые или рыжие головы. Ни единого брюнета.

– (*Назидательно.*) Вот именно. Итиро-сан, в Москау модно быть арийцем. Первоначально, в соответствии с доктриной фюрера, немцы считали жителей Руссланда неполноценной нацией, как они выражались, унтерменшами, то есть недочеловеками. Но ближе к сентябрю 1945 года генералы в руководстве рейха поняли, что им не одолеть партизан, по сему возобладало другое мнение. Скрепя сердце руссландцев признали арийским народом и стали вербовать в СС. Более того – расовый отдел в Берлине официально подтвердил арийское происхождение почти всех славян, включая болгар, – кроме поляков. А женщины Руссланда с этой минуты стали получать алименты на детей, рождённых от немецких солдат⁷. Прошло больше полувека, европейские нации перемешались, словно в кипящем котле, – теперь, Итиро-сан, и не поймёшь, какая у кого кровь. Но арийцы тут обязаны красить волосы в светлые тона. Я бы сказал, это даже не мо-

⁷ В марте 1943 года комендант оккупированного немцами г. Орёл генерал Адольф Гаман издал этот малоизвестный приказ – «о выплате алиментов женщинам, имеющим детей от солдат вермахта». Причина же признания славян арийцами и их вербовка в дивизии СС прозаична – Германии требовалось пополнение на фронте после потерь в Сталинграде.

да – а неизбежность.

– (*С удивлением.*) Брюнетов совсем не осталось, высоко-
чтимый Онода-сан?

– Почему же, их достаточно. Но чаще всего они носят па-
рики либо бреются налысо. Если вышел на улицу с природ-
ной шевелюрой, значит, ты *шварцкопф*, «черноголовый», –
так здесь на жаргоне называют противников режима. Я упо-
минал, что Руссланд – весьма специфическая местность.
Впитывает любую иностранную муть, как губка. И в той же
степени сопротивляется пришельцам из-за границы. Парти-
занское движение не слабеет все годы существования рейхс-
комиссариата Москау. Целые области на Урале, под Пе-
тербургом, возле Екатеринодара контролируют партизаны,
а в лес давным-давно не съездишь на пикник. И в самой
столице действует подполье. Два месяца назад посреди бела
дня на улице убили обер-коменданта города, группенфюре-
ра фон Травинского.

– (*Вновь кашель.*) Сумасбродство. Бессмысленный фана-
тизм.

– (*Снисходительно.*) Нет, всего лишь местные традиции.
Знаете, у руссландцев масса привычек, доставшихся им
от монголов. Взятничество, восточная нега, почтение к на-
чальству, принятие на работу сородичей. И при всей схо-
жести – они два века подряд сопротивлялись монгольско-
му владычеству, устраивали бесконечные восстания – по-
ка в Золотой Орде не плюнули и не оставили их в покое.

Связь русландцев с немцами куда глубже, чем вы думаете. Ими правили кайзерины немецкой крови – Катарина Первая и Катарина Вторая – лучшая королева в истории Руссланда. Каждый кайзер, начиная с Петера Первого, женился на немецкой принцессе. Первая династия руссландских кайзеров – Рюриковичи, из датских князей. Потом были монголы. Далее – немцы. После прихода большевиков – семиты. Затем – грузины. Опять немцы. По сути, здесь всегда правит иноземная власть – и всегда будут те, кто ее ненавидит. И власти Руссланда, и *шварцкопфы* так увлеклись, что не замечают: вермахт ушёл, а они воюют сами с собой...

– (С *подобострастием.*) Моя благодарность, Онода-сан. Очень познавательно.

– О, не стоит, Итиро-сан. Жаль, что вас заждалась Амата-эрасу и не будет времени прочувствовать Руссланд. Я работаю здесь уже десять лет, посмотрелся всякого. Даже в Урадзиосутоку и Хабаросито, благоденствующих под скипетром микадо, где местным жителям поменяли имена на японские, они всё равно пьют самогон вместо сакэ.

– (С *дрожью в голосе.*) Чудовищно...

– Это я вам ещё всего не поведал, мой приятный гость. Нет желающих учить иероглифы. Кимоно и гэта носят только женщины. Опрятные садики из камней никто не разбивает – предпочитают огороды, чтобы растить там вульгарные огурцы. Прижились лишь якитори да автомобили с правым рулём – вот за них в Урадзиосутоку готовы грудью стоять.

Я всецело разделяю установку великого микадо – для главенства нашей империи в мире необходимы природные ресурсы. Однако в такие моменты мне кажется, что лучше бы наши приобретения ограничились второй половиной острова Карафуто.

– Я всецело разделяю ваше мнение, любезный Онода-сан.

– (*Шелест курюр.*) Мы заговорились, уважаемый Итиро-сан. Берите рейхсмарки. Адрес я вам тоже напишу. В первом же киоске купите дозиметр и кислородную маску. Гонконгское оборудование при вас? Отлично. Будьте осторожнее, это нужно применять наверняка.

– (*С беспокойством.*) Простите, но не могли бы вы выдать мне пистолет?

– Незачем, Итиро-сан. Стрелять в него ни в коем случае нельзя...

Глава 3

Храм Одина

(улица Арийская, д. 46 напротив комендатуры)

Машину пришлось оставить на дальней стоянке. У меня спецпропуск, но ничего не поделаешь – автомобили ставить у стен нельзя, комендатура упивается паранойей, везде грезятся новые теракты. Получаю талончик из жёсткого картона, иду через турникет – в будке со шлагбаумом сидит тучный пожилой очкарик в коричневой форме с нашив-

ками обер-ефрейтора. Чуть высунув язык, изучает свежий выпуск «Фёлькишер Беобахтер» – с глянцевыми иллюстрациями полуголых девиц. Кризис, что поделаешь. Партийной прессе пришлось перейти на формат таблоида, чтобы выжить в жёстких условиях рынка. Я стучу в стекло будки. Мы знакомы не первый год.

– Хайлюшки, – фамильярно бурчит он мне, перелистывая страницу.

– Хайлюшки, – отвечаю я ему, приветливо махнув.

Арийская улица, протянувшаяся от Берлинского вокзала к рейхстагу, изучена мной вдоль и поперёк, – я могу пройти её с закрытыми глазами. У тротуаров, огороженные столбиками, навечно замерли скелеты танков – напоминание об уличных боях Двадцатилетней Войны. Штук пять обугленных «тигров» сгрудились напротив сквера Героев Люфтваффе, как стадо слонов с поникшими хоботами. Офисы из стекла и бетона соприкасаются с гнилью разбитых бомбами домов. По слухам, во времена большевиков здесь стоял памятник Пушкину. Пушкина давно демонтировали – как со сквера, так и из школьной программы: он же негр. Министерство народного просвещения и пропаганды вообще здорово постаралось. Запретили исполнять произведения Чайковского – композитор подозревался в гомосексуализме, сняли с показа «Свинарку и пастуха» – чабана играл семит. В центре сквера – огромные чёрные дыры с оплавленными краями, это пепелища. По выходным на Арийской го-

рами сжигают запрещённые книги – те, что конфисковывают у *шварцкопфов*, как когда-то на Опернплац в Берлине. Корчась в огне, сгорают Герберт Уэллс, Владимир Маяковский, Ярослав Гашек. Когда я был юным активистом фюрерюгенда, принёс сюда и бросил в книжный костер «Трех мушкетёров» из школьной библиотеки – этот томик прятала уборщица. Но Дюма – не ариец, писатель с негритянской кровью. Вы знаете, с каким треском горит бумага? Будто рвётся сердце.

На месте Пушкина установили памятник Ницше.

Поначалу его путали с Горьким (тоже запрещённый писатель) – спасибо густым усам. Фюрер обожал книгу «Так говорил Заратустра», но ему не были ведомы слова Ницше: «Германия великая нация лишь потому, что в жилах её народа течет столь много польской крови». Впрочем, это домыслы троллей из сети Сёгунэ, а они чего только не напишут.

Государственные здания на Арийской – унылое зрелище. Большинство копируют мрачные комплексы в Берлине. Пожалуйста, аппарат Министерства народного просвещения и пропаганды Москау – полностью в формате экс-ведомства доктора Геббельса. Серые колонны и цветная мозаика: белозубая арийская молодёжь рукоплещет национал-социализму. Обжигающий ветер треплет флаги рейхскомиссариата, алые знамёна с чёрным орлом, зажавшим в когтях дубовый венок. Без свастики – значки с её символом остались только у торговцев сувенирами на *Вагнерке*, пешеходной зоне

имени композитора Рихарда Вагнера. Die Hakenkreuzflagge⁸ отменён после Двадцатилетней Войны: фюрер почитаем, но не все рейхкомиссариаты довольны его наследием. Особенно те, где не стихают восстания «лесных братьев». Неподалёку обветшавший офис Трудового фронта. Когда-то эту организацию профсоюзов возглавлял Роберт Лей. Рейхсляйтера убили партизаны, в 1968 году, во время его поездки в Киев, – подослали почтового голубя с мини-гранатой.

Жуткий скрежет тормозов. Совсем рядом.

– Эй, куда ты смотришь, твою мать? Ой... жрец... простите, пожалуйста.

Уставившись на окна в здании Трудового фронта, я нечаянно вступил на проезжую часть и едва не попал под колеса зелёной «мазды». Забавное у машины имя – всегда хочется переконвертировать в мат, заменив пару букв, – ну, как в слове «холуй». Машины в Москау в большинстве своем японские, а «мерседес», «опель» и «фольксваген» используются только для представительских нужд – их больше невыгодно производить. Даже автобусы у нас – и те «мицубиси». Про велосипеды из Токио я вообще молчу.

– Ничего, аллес ин орднунг⁹, – благодушно улыбаюсь я водителю.

Блин, и ведь сам не заметил, как сорвалось. *Германизмы* мы употребляем автоматически. Уже никто не скажет «пас-

⁸ Крюковый крест – термин для обозначения свастики в Третьем рейхе (нем.).

⁹ Всё в порядке (нем.).

порт», пробубнит – «аусвайс». Руссландцы нутром впитывают иностранные слова, я – не исключение. Хотя думаю на местном языке.

Вытираю лоб. Солнце просто жарит.

Жрецам Одина приходится нелегко. На жертвоприношение надо приходить в форменной одежде: кольчуга, меховые сапоги, на плечах волчья шкура, на поясе – ритуальный меч в пять килограммов, это вам не хухры-мухры. Убыстришь шаг не получится, но я и так почти у цели. Миную суши-пивнушку «Хачи», что в переводе значит «палочки». Всё-всё, ступаю на порог храма Одина. Откровенно говоря, от места работы я не в восторге. Чересчур громоздкое здание, в форме средневековой пещеры, с центральным гротом и ответвлениями-туннелями. Хотя и комфортное – внутри бьёт горячий ключ: очень удобно отмывать от крови мечи. У входа скульптурная композиция – бог Тюр вкладывает руку в пасть волку, чудовищному Фенриру. В 1947 году древнегерманская мифология была объявлена главной религией Третьего рейха: согласно завещанию рейхсфюрера Гиммлера¹⁰. Церкви и соборы, разумеется, не тронули, – верующим дозволено молиться, если захотят. Однако что сейчас обеспечивает популярность? Правильно – РЕКЛАМА. На раскрутку новых идей были брошены миллиарды рейхсмарок,

¹⁰ В реальном мире, 1943 году рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер составил план по введению в Германии в качестве государственной религии скандинавской мифологии. План предусматривал строительство храмов викингов и казнь папы Римского. Однако так и не решился предложить этот план Гитлеру.

телевидение, радио, ведущие актёры кино, включая тогдашнюю звезду Марику Рёкк и публично покаявшуюся Марлен Дитрих. Это принесло плоды – всего через десять лет половина рейха отринула прежнюю веру и понесла дары на алтари богов Великогермании. Сенсация? Нет. История человечества показывает, что люди чрезвычайно легко отказываются от религиозных убеждений – надо просто грамотно организовать рекламные акции. Христианство навязло в зубах за две тысячи лет, а новая версия старой религии («ремейк», как говорят в Калифорнийской Республике) пришлась кстати. Апокалипсис с четырьмя всадниками – нудная скукота, поглощение солнца волком Фенриром – свежо и оригинально. Почему религия не должна быть прикольной?

Открываю дверь магнитным ключом. Вваливаюсь в вестибюль, обливаясь потом, тяжело дыша. Внутри – никого, только жалобно блеет чёрный жертвенный козёл. Разумеется – все мои прислужники взяли отпуск. Это же Руссланд, летом тут поедут на дачу даже в атомную войну. Над алтарём вывешена памятка в виде топора. Я выучил её наизусть:

Понедельник – День Луны

Вторник – День Тюра

Среда – День Одина

Четверг – День Тора

Пятница – День Фрейи

Суббота – День Сатурна

Воскресенье – День Солнца

Граждане Москау не особо пунктуальны и дни недели называют по старинке. Но опытному жрецу, прошедшему практику в Норвегии и Тибете, ошибиться непростительно. Я подхожу к козлу. Тот ведёт себя само собой как настоящий козёл – плохо пахнет и пытается боднуть. Его скоро зарежут, и он имеет право меня не любить. Список дел – в ящичке у алтаря – повергает в ужас. Как я всё успею? Первым же пунктом идут похороны. Это не то что раньше – помахал кадиллом, отпел и закопал. Покойников мало погрузить на одноразовые фанерные лодки фирмы «Мицубиси» и сжечь на Москау-реке. В обязанность жрецов входит также... стрижка умершим ногтей. Да-да. Когда наступит Рагнарёк, конец света, недра земли извергнут зловещий корабль Нагльфар, склеенный из ногтей мертвецов. Океан скуёт страшный холод, и это судно, скользя по морскому льду, повезёт на последнюю битву армию великанов-йотунов. Чтобы не случилось Рагнарёка, надо обрезать покойникам ногти, тогда Нагльфар и не сформируется. Ножницы на месте: делов-то – обрабатываем, подстрижём...

Вы думаете, никто в такое не верит?

Швариконфы – да. Они вообще либо православные, либо коммунисты, либо язычники. А остальные... едва человек обретает новую веру, он становится ревностен донельзя. Докатились, бабушки у подъездов уже сплетничают: богиня Ангбода родила детей от Локки или всё-таки от Тора?

Я подхожу к изваянию повелителя гномов, Рюбецаля.

Сгорбленный маленький старичок с огромной бородой, лесной дух... Не забыть бы положить к его ступням связку грибов.

Голову вновь пронзает боль – сверкающей иглой.

Стискиваю зубы. Сжимаю пальцами морду козла на алтаре. Боги всемогущие...

Туман перед глазами не рассеивается. Я хрипло дышу. Рот наполнился кровью.

Пространство поглощает тьма. Рюбецаль рассыпается мелкими звёздами...

Видение № 1. Чёрные небеса

Жуткий свист ветра. Он ледяной – забирается под одежду, хватает пальцами скелета за горло, сковывает движения. Ресницы смёрзлись. Шмыгаю носом, боюсь открыть рот. Ветер уже не просто свистит – он воет, словно смертельно раненное животное... и от этого становится ещё холоднее. Пробираюсь сквозь сумрак – ни одного фонаря, крошечную тьму прореживают вспышки автоматных очередей. Из-под снега торчат скрюченные руки. Увязая в сугробах по колено, шатаясь, по городу бредут люди. Нет, не люди – тени. В грязных шинелях, заеденные вшами, потерявшие человеческий облик. Их обмороженные щёки замотаны бабьими платками, голенища сапог забиты тряпьём. Они ищут тепла у костров, кутаясь в связки одеял. Сумасшествие. Сворачиваю за угол

разрушенного дома. Группа солдат копошится возле дохлой лошади – они в полубезумии от голода. Один подполз к голове и грызёт мёрзлое лошадиное ухо. На небе – ни звёздочки. Оно чёрное, слилось с землей в одно пространство. Ни единого целого дома. Только развалины, стены, как будто объеденные зубами неведомого чудовища.

Земля дрожит, и безумцы со ртами, полными конины, скопом бросаются в снег. Бомбардировщики. Их вой смешивается со свистом ветра, превращаясь в симфонию Апокалипсиса. Тьму разрывают на части оранжевые всполохи. Смерть.

Здесь всюду смерть.

Каждый знает ответ на вопрос: что они начнут есть, когда падут все лошади и будут выловлены все кошки. Друг друга. Тепло и еда – то, за чем здесь охотятся люди в лохмотьях. За банку тушёнки отдают золотой перстень. Но кто его возьмёт?

...Столбы с колючей проволокой. На ней гроздьями висят смёрзшиеся трупы. Тела никто не хоронит – их СЛИШКОМ много, и живые привыкли к соседству с мертвецами. Снарядные гильзы среди обломков кирпичей. В белых танках живы экипажи, но кончился бензин... Они лишь ворочают пушками, не в состоянии тронуться с места. Как погибающие мамонты, сломавшие себе ноги.

Я вижу, как солдат в безумии рвёт на груди шинель и кричит на обер-лейтенанта. Он молод и в стельку пьян, обер-

лейтенант старше, лицо заросло щетиной, на лбу повязка с пятном засохшей крови. Шрам на правой щеке – полумесяцем, от осколка.

– Зачем нас прислали сюда?! – заходится воплем солдат. – Мы все тут передохнем!

Спирт – вот это всегда в изобилии. Иначе бы ни одной войны не состоялось. Всем страшно, когда идёшь на смерть. А выпивка растворяет ужас. Пусть и ненадолго.

Он швыряет автомат под ноги обер-лейтенанту. Лицо искажено гримасой:

– Это не моя земля. Отпустите! Я хочу уйти!

Обер-лейтенант качает головой. В голубых глазах отражается только падающий снег. Солдат валится в сугроб. Барахтается. Ползёт – в другую сторону. Офицер вынимает правую руку из кармана шинели. Смешно – на неё натянута дамская вязаная митенка, открывающая пальцы. Мизинец и указательный почернели – явно отморожены. Стискивает рукоять восьмизарядного вальтера. Целится – сквозь метель, что-то бормочет, стиснув зубы. Солдат уже дополз до бруствера.

Выстрел.

Солдат опрокидывается на спину, каска слетает с головы. Светлые волосы в крови. В ту же секунду звучит другой выстрел – тяжёлый, винтовочный, откуда-то издалека. Снайпер. Офицер обнаружил себя вспышкой, враг выстрелил наугад.

Обер-лейтенант падает на колени, уронив вальтер, и ло-

жится на бок – мягко, словно собирается поспать. Выюга в считанные секунды заносит свежие трупы снегом. Удивительно. Мгновение назад два человека были живы, а сейчас их нет. Каждый, кто идёт на войну, думает, что его не убьют. И, наверное, никаких бы войн в истории не было, если бы ты знал – убьют тебя. Да-да – **ИМЕННО ТЕБЯ.**

Новая армада бомбардировщиков пикирует вниз. Взрывы. Взрывы. Взрывы.

Я тру снегом щёки, и они не чувствуют холода. Похоже, у меня обморожение.

Я отлично знаю, почему вижу всё. Мёртвые города. Трупы. Ледяные пустыни.

ПРОСТО ОНА ЗАСТАВЛЯЕТ МЕНЯ ЭТО ВИДЕТЬ.

Глава 4

Раздражитель

(кинотеатр «Кайзер», улица Революции 1923 года)

Гость сел на соседнее кресло, по левую руку – согласно договорённости. Поёрзав, примостил на коленях поднос с жареной кукурузой и парой бумажных стаканов с надписью «кока-кола» – её популярность не смогло убить даже полное поражение Соединённых Штатов в войне с Японией. Не поворачивая головы, человек шепнул:

– Зд-дравствуй...

– Привет, – ответил Павел. – Спасибо, что пришёл. Вы-

пьем за нашу встречу?

Человек усмехнулся, оглядев тёмный зал. Они сидели на последнем ряду – что называется, «места для поцелуев». Народу было немного, да и сеанс ещё не начался, показывали рекламные ролики. Как обычно, японские – йогурт «Годзилла». Кондиционеры не работали – запах пыли мешался с запахом влажных тел зрителей.

– Т-тебе ш-напс?

– Ой, умоляю. Достаточно того, что придурки вокруг пьют кофе вместо чая, словно это сделает их немцами. Плесни перцовочки – я знаю, у тебя всегда есть заправка.

Человек ощерил рот в ухмылке. Отставив поднос на соседнее кресло, полез за отворот пиджака, нащупывая флягу. Павел поймал себя на мысли – похоже, в первый раз видит давнего знакомого в гражданском. Оберштурмфюрер научного отдела гестапо Жан-Пьер Карасик не вылезал из тёмно-синего халата. Правда, одежда учёного ему не подходила. Огромного роста, с бритой головой и руками молотобойца, он скорее напоминал монстра из фильмов-комиксов студии Universum Film. Ну, а кто ещё мог появиться на свет от связи офицера французской дивизии СС «Шарлемань» и украинской крестьянки? Только такая атомная смесь. «И не раз ему в кино // Говорили: – Сядьте на пол, // Вам, товарищ, всё равно», – вспомнил Павел стишок про дядю Стёпу: в школе распечатанный каракулями листочек читали под партами, пока не видит учитель, и помирали со смеху. С приходом немцев

поэму запретили, а автор скрылся за Уралом. Правда, сейчас Министерство народного просвещения и пропаганды выпустило новую версию книжки, изменив герою имя – на дядю Шварца. Мясник из Австрии Арнольд Шварценеггер, снявшись в трёх фильмах культового режиссёра Лени Рифеншталь (включая и «Триумф воли: продолжение»), стал бешено популярен. Согласно опросам, семьдесят процентов людей мечтали увидеть его новым фюрером. Книга «Дядя Шварц» с ходу стала лидером продаж.

Павел глотнул из услужливо протянутого стакана. Перцовка обожгла нёбо.

– Ш-што ты х-хочешь спросить? – склонился над флягой Жан-Пьер. – В-вообще, я удивлён. Т-тебя в-вы-дернули из Г-гонк-конга, толком нич-чего н-не объяснив. Ст-странно.

Павел выждал несколько секунд. Освещение в зале погасло, начался фильм.

– Ты лучше представь, как мне странно, – спокойно заметил он. – У меня была отличная сделка, я собирался на встречу с оябуном местной группировки якудза¹¹. И в момент, когда я собираюсь звонить связному, на *эфунк* приходит распоряжение, а через минуту на почту – билет эконом-класса до Москау. Что делать? Взял такси, поехал во флюгхафен¹². На данный момент я знаю следующее: мне в гестапо покажут некий рисунок. Даже не фото, а именно рисунок. Изоб-

¹¹ Якудза – японская мафия, оябун – фигура, соответствующая «вору в законе».

¹² Аэропорт (нем.).

ражение человека. Мне вообще не соизволили сказать, мужчина это или женщина. Так вот – я должен срочно найти того, кто на рисунке.

Прервавшись, Павел сделал большой глоток.

– Скажу честно: более идиотского задания я в жизни не получал. Но платят ТАКИЕ деньги, что можно положить в карман Луну. Или Солнце, или Землю... с этой суммой не проблема. И самое главное, если выполню задание, меня обещали больше никогда не беспокоить. Хочешь посмеяться? Рисунка я пока так и не увидел – жду доступ. Я давно не был в рейхе, а бюрократия с тех пор стала ещё хуже. Гестапо попросту вязнет в бумагах. Скоро придётся заполнять специальный формуляр, если захочешь помыться в душе.

Жан-Пьер выдохнул, отпив из стакана. Мрачно похрустел кукурузой.

– Т-ты сам понимаешь, этого разг-говора не б-было.

– Об чём речь, – согласился Павел. – Я тебя в глаза не видел и знать не знаю. В эти кресла легко воткнуть микрофон, и тут по факту может быть прослушка... но вряд ли за нами тщательно следят. Прости, но я уверен – руководство гестапо так же, как и я, путается в догадках относительно личности на рисунке. Если уж распоряжение отдал Триумвират...

– Три... триумв-вират посвятили с-совсем недавно, – заметил Жан-Пьер. – А в наш отдел прик-каз на и... и... исследование поступил в поза-апрошлом ггоду от Уп-правления имп-перской б-безопасности. Тогд-да были с-самые п-пер-

вые случаи. Но м-месяц наз-зад под Новгород-дом т-тайно пров-вели эксперим-мент. З-знаешь, ч-то там произ-зошло? Т-три человека попали в м-ментальный специзолят-тор... Один п-росто исчез у в-всех на г-глазах, как исп-парился. Я думал – в-вот он, к-кошмар. Но п-поверь мне – это ещё цв-веточ-чки.

Он помолчал и «ахнул» всю перцовку разом – до дна.

– Ох, только это и помогает, – произнёс Жан-Пьер чистым, спокойным голосом без тени заикания. – Сколько раз за последние годы был у логопеда, всё без толку. Но не могу же я, извини меня, на работе четыре раза в день по стакану водки выпивать?

– Почему? – искренне удивился Павел. – Ах, ну да, в тебе же ещё французская кровь...

Оберштурмфюрер пропустил подколку мимо ушей. Они были дружны достаточно, чтобы позволять себе некоторые фамильярности, – со времён жизни в Берлине, когда оба приняли участие в секретном «Проекте МГ». С тех самых пор Карасик и заикается...

Стереодинамики кинозала терзали уши бравурной музыкой.

– По моим предположениям, *раздражение* вполне могло начаться и раньше – скажем, после окончания Двдцатилетней Войны. – Жан-Пьер захрустел остатками кукурузы. – В столице об этом не знали. А комендатуры на местах... сначала не обращали внимания, потом – пытались не допустить

утечек информации. Ты ведь знаешь, как в Руссланде думают: авось как-нибудь само рассосётся. Но масштаб разросся, скрывать стало опасно. Пошли тайные донесения в Управление имперской безопасности, те подключили гестапо. Создана секретная группа профессоров, началось выяснение причин. Меня привлекли на соответствующем уровне доступа. Я попросту охренел...

– Подожди, – шёпотом перебил его Павел. – О каком *раздражении* ты говоришь?

– А вот это, дорогой мой, я тебе сейчас и изложу. Причём по пунктикам.

...Парочки, обжимавшиеся по креслам в темноте зала, не обращали внимания на двух алкашей, что-то распивающих на самом верху. Руководство Москау пропагандировало здоровый образ жизни, и плакаты «Ариец не пьёт по утрам» (с тем же Шварценеггером) висели в городе на каждом шагу. Правда, дело касалось крепких напитков – пиво, как национальное достояние и символ Революции 1923 года¹³, получило статус «арийского нектара». Курение аналогично было запрещено – патрули из «службы здоровья» СС жёстко проверяли нахт-клубы: за найденную сигарету полагался штраф в тысячу рейхсмарок. Алкоголь в восьмидесятых годах (во время Двадцатилетней Вой-

¹³ Имеется в виду «Пивной путч» – попытка переворота, устроенная нацистами в 1923 году в Баварии. По поводу сигарет: Третий рейх считается первой страной, которая стала бороться с курением на государственном уровне.

ны) тоже пытались запретить, Триумvirат поначалу постановил: за продажу и употребление шнапса расстреливать. Через сутки приказ отменили – видимо, кто-то объяснил, что в этом случае придётся поставить к стенке почти всё население страны.

На экране грохотали и лязгали танковые гусеницы.

В РейхСоюзе обожали снимать фильмы про войну. И драмы о суровых буднях, и комедии вроде «Бравый фельдфебель Фёдор», и киноэпопеи о битвах. Кассовые сборы не считали, во главу угла ставилось патриотическое воспитание. Чтобы получить из казны вагон рейхсмарок, достаточно было написать заявку в Министерство народного просвещения и пропаганды, указать – в планах создать великое кино о Великой Битве. Счёт подобным шедеврам шёл на сотни: их мало кто смотрел. В частности, фильм «Морской лев», об удачном вторжении вермахта в Британию 11 мая 1942 года и пленении Черчилля, был разбит на две части и обошёлся в 50 миллионов иен. В кинотеатры на просмотр пришло лишь пятьсот человек – режиссёр, команда актёров и все их родственники. Любые ляпы в кино оправдывались – это называли «авторской точкой зрения». Если же кто-то из злобных рецензентов «Фёлькишер беобахтер» ругал шедевр, в Сёгунэ запускали слух: скорее всего, критикует не истинный ариец, а «мишлинг»¹⁴ – посеуму и наезжает на прелесть творца.

¹⁴ Полукровка (*нем.*) – термин, принятый в нацистской Германии.

Павел не отвлекался на происходящее на экране. Он слушал то, что ему говорили.

Очень внимательно слушал.

Пару раз у него дёрнулся левый уголок рта. Хорошо знающий Павла человек сразу бы понял: тот сильно удивлён. Достав платок, он механически протёр бумажный стаканчик.

– Это точно? – дотронулся он до руки Жан-Пьера, прервав монолог.

Вопрос показался идиотским даже ему самому... но не спросить было нельзя.

– Точно, – спокойно кивнул Карасик. – Иначе бы тебя не позвали. Мы слишком долго выясняли источник проблем, но в итоге – засекли. Радиоэлектронная *ловушка* на месте эксперимента под Новгородом зафиксировала на экранах нечёткий красный силуэт. Выжившие путались в показаниях, но им удалось увидеть его близко, на расстоянии вытянутой руки. От неизвестного объекта исходила сильнейшая энергия, на грани радиации. Этот факт убедил наших спецов: силуэт – и есть *раздражитель*. Вот почему Триумvirат вызвал тебя для разрешения проблемы. Человек это, дух, бог – они не знают. Нужно найти корень зла. Я не хочу даже думать, что именно произойдёт, если ЭТО продлится хотя бы ещё полгода. Покажут рисунок? Здорово. Я его так и не видел, месяц жду допуск, пишу бумаги. Ты прав, гестапо помешалось на бюрократии.

Павел достал *эфунк*, сделал запись в блокноте.

– У меня натурально крыша едет, – признался он. – Скажу честно, появилась мысль: в одночасье сошло с ума всё гестапо, а не только те трое бедняг, что угодили в специзолятор.

– Я тоже так думал в первое время, – усмехнулся Жан-Пьер. – А потом, когда увидел своими глазами... Ты даже представить не можешь. Д-да, в-в общем, лладно.

Заикание вернулось к нему – так же внезапно, как и исчезло.

– Допустим, – согласился Павел. – Так или иначе я собираюсь лично пообщаться с одним из очевидцев. Мой ранг пока что такое позволяет. Рисунок – это симпатично, но я хотел бы получить описание силуэта из первых уст. Раньше, чем Триумвират и глава имперской безопасности согласуют допуск к изображению. Вернусь в гостиницу, пошлю электронное письмо в гестапо. И спать-спать-спать. Прилягу на боковую до самого утра.

– С-спасибо, что п-принял м-меры, – шепнул Жан-Пьер. – Здесь т-тебя не уз-знают.

Не прощаясь и не дожидаясь конца фильма, он встал и вышел первым – подсвечивая экраном телефона между кресел. Хлопнула дверь. Павел грустно посмотрел на часы.

...Дородная унтер-офицерша по выдаче билетов, щёлкая семечки, лениво проводила Жан-Пьера скучающим взглядом. Ничего удивительного – с эпических фильмов зрители уходят часто. Когда вышел Павел, она побледнела и поднесла руку ко рту... но ничего не смогла сказать. Неожиданно

унтер-офицерше вдруг захотелось сделать то, чего она не делала вот уже много лет и совсем забыла последовательность движений.

Перекреститься.

Глава 5

Дайфуку

(переулок Гинденбурга, рядом с магазином «Берлин»)

– Вы бледны. Кожа прозрачная. Синяки под глазами. Может, один бокальчик?

Нет, благодарю покорно. Я говорил уже, вина не пью. А уж в свете дневного происшествия... Зверски болит всё тело. Как будто сначала его тщательно разобрали на винтики, а собрать отдали вдупель пьяному сантехнику. Потом, похоже, по мне проскакал табун лошадей и проехал сельский трактор. Очаровательные ощущения.

– Спасибо, – моргаю я обоими глазами. – Жрец Одина должен отмечать раз в месяц «День вегетарианства» – в память о фюрере, таковы правила. Сегодня я воздам должное капустным котлетам и минеральной воде из окрестностей прекрасного Карлсбада.

Она фыркает и показушно отрезает себе ломтик индейки. *Шварцкопфы* с глупым фанатизмом следуют кухне, соответствующей их убеждениям. Не покушаются на свинину (разве кто-то задумается, что в легионе «Идель-Урал» или в бос-

нийской дивизии СС «Кама» служат мусульмане), не пьют пива (хоть виноградники Рейна даруют не только сок), отказываются от сочных сосисок – даже тех, что из телятины. А учитывая, что фюрер увлекался вегетарианством, особо упёртые *шварцкопфы* отвергают растительную пищу. Если едят салат, то только с мясом – не утонченную версию альпийского *вурстсалата*, а варварский вариант под названием «оливье», хотя логичнее было назвать его «Титаник»: овощи и курица, обняв друг друга от ужаса, тонут в море майонеза.

Глотаю минералку. Пузырьки щекочут язык. Моя гостья к ужину оделась значительно откровеннее: в фиолетовое платье, плотно облегающее тело, без лифчика – в вырез видна почти вся грудь. Соски торчат, чуть не протыкая материю. Кондиционер же, холодно.

Бедная, наивная девочка. Ей ещё не надоело?

Шварцкопфы меряют бытие своей меркой. Им кажется, любой священник только и мечтает, чтобы переспать с женщиной, грезит об этом в липких снах, комкая в руках... ну, положим, одеяло. Особенно католик либо православный иеромонах. *Вайделоты* – высшая каста жрецов древних викингов (так называемые хранители легенд), и если я пожелаю, то заведу гарем из двадцати женщин. Разумеется, только арийской расы, но всё-таки. Постановлением Совета Жрецов Москау служителям Одина, Локки и Тора разрешено жениться на натуральных блондинках – отчасти, конечно, это проблема.

Но спать-то вайделоту можно с кем угодно.

– Самые отвратительные убийцы отличаются сентиментальностью. – Она так терзает зубами индейку, словно та и есть фюрер. – Ваш кумир любил собачек, кушал вегетарианские яства, даже детей обожал... а их родителей он ненавидел. Смешно подумать: Европа управляется призраком, а власти делают вид – да, так оно и надо.

А, вот она к чему. Тут мне сложно не согласиться. После окончания Двадцатилетней Войны рейхскомиссариаты единогласно постановили: фюрер остается верховным правителем империи, невзирая на трагическую смерть. То есть официально он пирует с павшими эйнхериями в Вальгалле, а не пьёт кровь в подземельях богини Хель, владычицы мира мёртвых. Согласно же меморандуму Совета Жрецов, в транс-е они могут связываться с Асгардом и общаться с духом фюрера, передавая его приказы. Декреты печатаются готическим шрифтом, с красивым факсимиле. Триумvirаты рейхскомиссариатов это вполне устраивает – нет никакой угрозы для личной власти, и всегда есть на кого перевести стрелки... если империей формально руководит мертвец.

– И что в этом ужасного? – отвечаю я нарочито скучным тоном, перемещая в рот кусочек капустной котлеты. – Фюрер находится в Вальгалле всего-то ничего, а вашего Христоса уже две тысячи лет в глаза не видели... кроме парочки шизофреников. Не смущает? Вы же без проблем верите на слово, что именно он из облаков управляет Вселенной.

Хотя документальных доказательств бытия Иешуа из Назарета нет, кроме «Иудейских древностей» Флавия. Пусть он и упомянул о смертном приговоре для Иисуса, но в летописях и в личных записках Понтия Пилата, да будет вам известно, нет ни слова о казни, не говоря уж о так называемом воскрешении. Да и можем ли мы доверять Флавию в этом щекотливом вопросе? Он ведь, не к столу сказано, семит...

Я прикусываю язык. Ой. Перестарался.

Девушка швыряет вилку на блюдо с японским десертом *дайфуку*. Звон металла о фарфор звучит погребальным колоколом. Боги великие, Один и Тор, спасите – теперь начнётся.

– Вы не задумывались – куда вдруг исчезли семиты и ромаль?!

Ах, это? Ну что ж, этого я как раз и ожидал.

– Уехали в Африку на Хрустальном поезде, – невозмутимо отвечаю я. – Как будто вы сами не знаете, об этом можно прочесть даже в учебниках начальных классов. Совершенно законная депортация, единогласно принятая рейхстагом, за неё выступили деятели культуры. Африке придан статус «самоуправляемой колонии» – чёрный континент, исключая Эфиопию, Марокко и Египет, а также Южно-Африканский Союз, окружён бетонной стеной с минными полями, обнесён колючей проволокой. Оттуда вывезены чиновники, выведены войска – африканцы предоставлены самим себе. Да, полагаю, пассажирам Хрустального поезда пришлось нелегко.

В Африке нет ни Сёгунэ, ни телевидения, а улицы разрушенных городов поделены между дикими племенами... Голод, эпидемии, неизвестные науке вирусы. Но разве высылка не гуманнее, чем казнь?

Лицо девушки медленно покрывается красными пятнами.

– Их всех убили, – она чеканит слова едва ли не по слогам. – И семитов. И ромаль. И *яой*. И наркоманов. И даже душевнобольных. Почему ни в одном рейхскомиссариате нет ни единой психиатрической больницы, а профессия психиатра сделалась подпольной, сродни занятию торговца табаком? Если человек заболел шизофренией, родственники прячут его, так повелось с сороковых годов. Иждивенцы – балласт общества, и к этому нас немцы приучили удачно. Да, сейчас шизофреников, *яой* и *юри*¹⁵ не убивают открыто, а депортируют в Африку через спецпункты – ворота в бетонной стене... И в чём тут отличие от смерти? Ещё живы старики, подтверждающие: функционировали лагеря, где миллионы людей испепелили в печах и отравили газом, как крыс. Вам что-то говорят слова – Аушвиц, Заксенхаузен, Бухенвальд, Дахау? Монстры, перемоловшие целые тонны костей. В Руссланде немцы сжигали деревни, расправлялись с заложниками в специальных автомобилях-«душегубках». Половина из нас была обречена на уничтожение, половина – на существование в качестве рабов для сельского хозяйства

¹⁵ Обозначение геев и лесбиянок в манге и анимэ. Ввиду популярности всего японского в Третьем рейхе, употребляется в бытовых разговорах.

при фрицевских колонистах.

– Этому нет никаких доказательств, – поспешно заявляю я. – Только слухи...

Ужин испорчен окончательно и бесповоротно. С ней это не редкость.

– Конечно, – горько усмехается она. – Теперь такие вещи – некомильфо. У нас режим диктатуры, но всем правителям хочется казаться с виду твёрдыми, а на поверку мягкими – как банан. Триумвират не признается: половину планеты фюрер собирался пустить на удобрения. Загодя, в семидесятых годах, провели тотальную чистку. Документацию концлагерей, архив СС и гестапо измельчили в *папирвольфах*¹⁶, печи крематориев переоборудовали в булочные, а газовые камеры – в душевые. Когда последовательно врѐшь каждый год, люди начинают верить: рецепт доктора Геббельса. Исследователи-латыши из рейхскомиссариата Остланд не устают писать в «Фѐлькишер беобахтер», мол, в «трудовых пунктах» заключѐнные получали зарплату, работали кинотеатры, бордели и даже футбольные клубы, а в итальянских концлагерях вдобавок функционировала бесплатная доставка пиццы. Поди докажи – всех бывших узников обязали свести с руки татуировку с лагерным номером. Триумвират открыл формулу успеха. Надо погрузить людей в сплошное потребление, тогда не придётся никого завоёвывать, у них атрофируется сама способность мыслить. Если бы фюрер был ум-

¹⁶ Бумажный волк (нем.) – бумагоизмельчитель в офисе.

нее, он вместо оккупации Руссланда построил бы там сеть кауф-хофов¹⁷ «Драккен» со стереокинотеатрами. Когда мозги используются только для отдыха – они превращаются в кашу.

Я увлечённо жую безвкусную котлету – скорее для вида. О Хель, владычица ада... Эти *шварцкопфы* такие правильные, что прямо диву даешься их тонкой душевной организации. Ну да, кауф-хофы и кино – это плохо, ибо отключают мозги. Но кабы существовал, как в 1939–1984 годах, режим военного национал-социализма с хлебными карточками, маргарином вместо масла и сахарином вместо сахара, – думается, *шварцкопфы* первыми бы взвыли о жутком Триумвирате, морящем жителей голодом.

– Послушайте, а есть ли смысл спустя семьдесят лет тащить из шкафа ворох скелетов? – запиваю я капусту минеральной водой. – Татары тоже когда-то прошлись по Руси, как паровой каток, – разграбили города, устроили в церквях конюшни, насиловали в каждой деревне женщин... И что, кто-то в Руссланде мечтает отомстить им за геноцид, ночей не спит? А французы? Армия Наполеона сожгла Вильно, Смоленск, Москау – и результат? Руссландцы обожают культуру Франции. И пусть в Париже с сорокового года всем заправляет отдел моды СС, под бессменным руководством оберфюрера Лагерфельда и его помощника Хьюго Босса, – любая дамочка с радостью отсидит месяц в карцере геста-

¹⁷ Шопинг-центр (нем.).

по за флакон французских духов. Даже если допустить совсем фантастическую версию, что Руссланд победил Германию, у нас через полсотни лет царил бы мир-дружба-сосиски. Мы всегда обожаем тех, с кем воевали, но терпеть не можем ближайших соседей. Взять тот же рейхскомиссариат Туркестан. Я когда вижу их легионеров на улицах, первая мысль: «И где справедливость, эти чурки тоже арийцы?»

Девушка молчит. Она борется с желанием желудка. С одной стороны, ей страшно хочется съесть *дайфуку*. С другой – мы, как обычно на ужине, ведем политический спор.

– Руссланд находится под иностранной оккупацией, – говорит она, косясь на десерт. – Этого вы ведь не будете оспаривать? У нас чужой герб, чужие законы... чужая власть.

Вот она уже обороняется, а не наступает. Была бы возможность – сейчас бы закурил, как после удачного секса. Но жрецам Одина предписано вести здоровый образ жизни.

– О, пожалуйста, – поглощаю я остатки котлеты. – В Руссланде пятьсот лет в качестве герба главенствовал греческий двуглавый орел. А два века подряд все законы были немецкие. Титулы при дворе – тоже из Германии: камергер, фрейлина, гофмейстер. Фамилии канцлеров – Остерман, Бирон, Нессельроде, Штюмер. Значит, оккупация никогда и не прекращалась. Допустим, концлагеря существовали. И кто их охранял? В Собиборе¹⁸ – украинцы. Бургомистры, и вспомогательная полиция, и журналисты, выпускавшие

¹⁸ Концентрационный лагерь СС в Польше в 1942–1943 гг.

газеты, и священники, служившие в открытых немцами храмах, и добровольцы дивизий СС, и следователи гестапо – все были свои, из Руссланда... только надевшие немецкую форму. А наших людей только возьми на работу к иностранцам, они лоб себе расшибут от усердия. В десяти крупных городах Руссланда сейчас стоят гарнизоны вермахта – по пятьсот человек, это не оккупанты, а игрушечные солдатики, церемониальная гвардия. Не спорю, у нас полным-полно чиновников и начальства из немцев в армии, полиции, в министерствах... Но их и при кайзере было много. Зато руссландский бизнес скупил престижные кварталы в Берлине, а руссландский язык с 1984 года – один из языков империи. Так, простите, кто кого оккупировал?

Она резко встает. Не говорит ни слова. *Дайфуку* остается нетронутым, несмотря на всю его привлекательность. Я уже знаю, что за этим последует. Сначала в ванную, чистить зубы, а потом снова в постель. Жизнь у неё скучная, но, я бы сказал, довольно-таки безопасная.

Хлопает дверь ванной. Я могу расслабиться.

...Очнувшись на полу в храме Одина, первым делом подумал: если бы я так и не вернулся, что случилось бы с ней? Утром я меняю наручники на пару прочных цепочек, чтобы она могла добраться до туалета. В её спальне – маленький холодильник со всем необходимым. Но дверь запирается на замок. Она не сможет освободиться. Стоит мне исчезнуть, и спустя месяц пленница умрёт с голоду. Да, вот этого

я не предусмотрел, моя ошибка. Надо продумать установку *цайтшальтура*¹⁹ на замок – может быть, на сутки. И не только это продумать. Я был в отключке два часа, требуется выяснить пару вещей.

Первое – куда пропал козёл. И второе – что же случилось со статуей Рюбецаля...

Учебник № 1. «Всемирная география»

«...РейхСоюз, или Третья Великогерманская Империя. Основан в 2004 году после окончания Двадцатилетней Войны. Фактически – конфедерация рейхскомиссариатов. Состоит из Остланда (Балтика и Белоруссия), Москау (европейские территории Руссланда), Дойчланда (Австрия, Германия, генерал-губернаторство Польша), Кавказа (Азербайджан, Грузия, Кубань, зондеркомиссариаты Чечня и Дагестан), Туркестана (Таджикистан, Туркмения, Узбекистан, Киргизия), Украины (с городами Курск, Воронеж и Царицын), Норвегии и Нидерландов, а также Британии (не включая Республику Шотландию). РейхСоюзу принадлежат «особые территории» – озеро Байкал, полуостров Крым (заселённый немецкими колонистами) и анклав Санкт-Петербург. Союзные Третьему рейху страны – Словакия, Итальянская империя, Независимое Государство Хорватское, Финляндия

¹⁹ Таймер (нем.).

(включая Карелию и Мурманск), Трансильвенгрия, Королевство Румыния (вместе с Одессой и Бессарабией), протекторат Южная Франция (со столицей в Виши), Испано-Португальская Федерация, Царство Болгария (совместно с Грецией). В 1951 году Турецкой Республике имени Ататюрка торжественно возвращены бывшие французские колонии Ливан и Сирия, подарена Армения. Багдадский халифат, воссозданный в 1964 году, включает Ирак и султанаты арабского Магриба, вкуче с Египтом и Марокко. Свободное государство Индия (или Азад Хинд) находится под совместной защитой РейхСоюза и Ниппонской империи. Корея, остров Формоза, Гавайи, остров Карафуто, полуостров Камчатка, города Владивосток и Хабаровск, Шанхай, Гонконг и Сингапур являются неотъемлемой частью Ниппон коку. Территория Руссланда до Урала формально – зона интересов японцев, но на деле (кроме Новосибирска, Красноярска, Тюмени) контролируется бандами «лесных братьев». Дальневосточная Республика со столицей в Чите не имеет самостоятельности как японский протекторат. Государства-сателлиты Японии – Маньчжоу-Го, Китай, Таиланд, Эмират Индонезия, Вьетнамская империя, Бирма и Филиппины. Отдельное владение – континент Австралия, имеющий статус «курортной колонии Ниппон коку»: богатые японцы часто приезжают туда отдыхать на морских пляжах. Сами же австралийцы выселены на Аляску.

Руководители Соединённых Штатов Америки подписали

капитуляцию 18 апреля 1956 года в Лос-Анджелесе – после того как в город с боями ворвались части Второй дивизии СС «Руссланд». В 1958 году США подверглись разделению – на Калифорнийскую Республику (совместный протекторат РейхСоюза и Японии), колонии Нойе-Йорка, Бостона, Вашингтона и Флориды (назначается японский наместник), рейхскомиссариат Техас и «бесхозные земли Дальнего Запада» – бывшие штаты Алабама, Юта и Канзас, где нет власти, царит полная анархия. Аляска включена в состав Дальневосточной Республики – как автономия с японским князем даймё. Канада ликвидирована – Квебек передан Южной Франции, север – Японии, остальная часть отдана под переселение китайцев. Аргентина, Парагвай, Боливия, Чили образовали Германское землячество Латинской Америки. Ещё до вступления туда в 1983 году войск вермахта столицы этих стран захватили отряды ландвера – вооружённых немецких колонистов. Африке был предоставлен статус самоуправления: все расово неполноценные народы депортированы на Чёрный континент в рамках операции «Хрустальный поезд». На границах с Африкой выделена пятикилометровая «зона безопасности», в морских водах – двадцатикилометровая «антипиратская область». Только Абиссиния, завоёванная Италией в 1936 году, имеет статус «заморской территории», – такой же получила и Ливия. В 1984 году в Южно-Африканском Союзе произошёл переворот: африканеры свергли пробританских политиканов и признали по-

кровительство Великогермании. Ровно через полгода японские и германские войска соединились в Тюмени. Война за завоевание мира, длившаяся ровно 45 лет, с этого момента считается завершённой».

Учебник утверждён Министерством народного просвещения и пропаганды Москау.

Глава 6

Ангел

(пешеходная зона Вагнерка, д. 22/7)

Специзолятор *гехаймитатсполицай*²⁰ расположился в самом конце Вагнерки – прохожие по старой памяти называли эту пешеходную улочку Арбатом. С виду – двухэтажный книжный магазин с вывеской «Бухенрай»: хотя в руссландском варианте это название подошло бы скорее для винной лавки. В просторном и светлом зале сонные от безделья продавщицы помогали покупателям выбирать новые шедевры литературы рейха. В витрине пылились лидеры продаж – книжка-раскраска «Фюрер в детстве» и пособие Лени Рифеншталь «Как стать кинозвездой». Книги мало кто покупал – их предпочитали скачивать из сети Сёгунэ. «Майн Кампф» и так с 1944 года входила в школьную программу, а вся остальная литература строго проверялась на благонадёжность Министерством народного просвещения и про-

²⁰ Государственная тайная полиция (нем.) – то есть полное название «гестапо».

паганды. Зачастую электронному отделу гестапо приходилось оперативно блокировать те разделы Сёгунэ, где размещали нелегальные переводы: Джека Лондона, например, Хемингуэя, а также Зоценко – особую большевистскую крамолу, за чтение которой лепили двухмесячный арест. Впрочем, аресты не помогали – ссылки на скачивание и Зоценко, и Пушкина росли как грибы. «Чтобы книгу читали, ее следует запретить, – подумал Павел, открывая стеклянную дверь «Бухенрай» с рисунком-печатью в виде орла. – Лучшей раскрутки и не придумаешь». Продавец, девушка в форме с нашивками *бевербера*²¹, завидев его, дежурно улыбнулась:

– Герр покупатель, приветствуем в нашем магазине. Чем вам помочь?

Павел оглянулся по сторонам – впрочем, это было излишней предосторожностью. В «Бухенрай» почти не заходили посетители – цены в тысячу рейхсмарок за книжку отпугивали всех. Лишь в самой дали, у стенда с остросюжетными романами, спиной к нему переминался с ноги на ногу сухошавый старичок, изучал томик Стефании Майер. Павел сразу вспомнил – этой писательнице сам гауляйтер Нойе-Йорка с помпой вручил железный крест за серию шпионских романов «Абвер против НКВД».

Он склонился к девушке-беверберу – так, что почти коснулся её губ.

²¹ Претендент (*нем.*). В Третьем рейхе – обозначение для лиц, готовящихся вступить в ряды СС, нечто вроде современного стажёра.

– Мой номер семь-восемь-девять-пять-два-два-один-шесть, – шепнул Павел.

Девушка, продолжая автоматически улыбаться (было ощущение, что улыбка *нарисована* на ее лице, как на магазинном манекене), выбила цифры на кассовом аппарате. Тот засветился огоньками. На экране появился номер, звание Павла в гестапо и уровень допуска. Тихо щёлкнув каблучками, она вложила в руку *покупателя* электронную карту.

– Возьмите, пожалуйста, ваши книги во-о-о-он там, – показала девушка на дверь в конце коридора. – Не забудьте на входе сообщить о скидке. Данке шён за покупку!

Дверь открылась и закрылась с помощью карты. В узкой комнатке был лифт с одной-единственной кнопкой на панели. Нажав её, Павел поехал вниз – в подвале его ждали. Хмурый толстяк-фольксдойче²², с печатью вчерашнего похмелья на лице, проверил удостоверение, поправил фуражку с эмблемой медицинской службы СС и куда-то позвонил. Солдат в чёрной форме повёл Павла дальше – по бетонному коридору, тускло освещённому красными лампочками. В Москау (как и в других рейхскомиссариатах) давно закрыли учреждения для душевнобольных и уволили врачей. Если требовалось арестовать повредившегося в уме человека, его попросту отправляли в специзолятор. Как только надобность в больном отпадала, его депортировали в Аф-

²² Этнические немцы, живущие за пределами Германии.

рику. Комендант специзолятора скучал у себя в кабинете, под гербом рейха: свастика на дубовом венке была тщательно, в несколько слоёв, заштукатурена. Он кивнул Павлу, но не потрудился встать, лишь небрежно бросил на стол папку.

– Все бумаги и фото там. Хотите пообщаться? Даже не знаю, как у вас это выйдет. Двое учёных превратились в овощи – ни на что не реагируют, питание – и то им вводят внутривенно. Третий получше, но... ни с кем не говорит. Зато иногда начинает вопить по ночам как резаный – нам приходится литрами вкалывать бедняге успокоительное.

– Ничего, – усмехнулся Павел. – Со мной поговорит, не волнуйтесь. Я забираю досье. Скажите номер камеры и избавьте от провожатых. Это слишком особый разговор.

Он замолчал, пытливо вглядываясь в одну из фотографий.

– Надеюсь, вытрясете из парня всё, что вам нужно. – Щёлкнув мухобойкой, комендант ловко прихлопнул насекомое на столе. – Идите, битте шён, во времени я не ограничиваю.

...Камера специзолятора соответствовала ожиданиям. Четыре на четыре метра, обита мягким белым войлоком, чтобы узник не разбил себе голову в припадке. Лампочка освещения и камера под потолком, транслирующая видео на пост охраны. Красный огонёк погас, едва Павел зашёл к заключённому, – съёмка прервалась. Человек в комнате не обратил внимания на гостя. Небольшого росточка,

взъерошенный, волосы – рыжие. Славненько, рыжим не надо краситься, чтобы выглядеть арийцами. Шепчет что-то про себя, сидя на топчане, раскачивается взад-вперёд. Очень впечатляет. Ну-с, за работу...

– Здравствуй, – ласково сказал Павел, с треском раскладывая стул.

Он встал так, чтобы лампочка осветила его лицо.

Заключённый перевёл взгляд и... закашлялся. От спокойствия не осталось и следа. Он вскочил с топчана, вытянул руку, прижался к мягкой стене, затараторив, как дятел:

– Ты... ты... ты... как это может быть... ты же...

– Умер? – закончил его мысль Павел. – Согласен, такие неприятные вещи иногда случаются. Но, размозжи меня молот Тора, разве это помешает нашей милой беседе?

На лбу рыжего выступили бусинки пота. Его била мелкая дрожь. Он слепо шарил вокруг себя руками, словно стена из войлока могла расступиться и забрать его внутрь.

– О, совсем чуть-чуть, – заверил Павел. – И обещаю – я сразу уйду. Ты же понимаешь, у тебя нет никакого выбора. Говори мне чистую правду... и тогда всё закончится быстро.

Рыжий кивнул – чётко, как робот. Павел сел на стул.

– Это было чудовищно, – лихорадочно прошептал рыжий.

– Тебе удалось туда заглянуть, – напомнил Павел. – Просто скажи: ЧТО ТЫ ВИДЕЛ?

– То, чего не может быть, – закашлялся безумец. – Мне казалось, я брежу. Но всё было наяву. Я прикоснулся к ЭТО-

МУ... ОНО... было так реально. *Окно* туда теперь закрыто, правда? Нас заперли здесь, чтобы мы молчали... Но люди скоро узнают. Ты понимаешь, что грядёт? Мы растворимся, как тающий снег. ОНО приближается.

Узник говорил горячно и сбивчиво. Павел сохранял спокойствие – кто-то решил бы, что ему очень скучен рассказ. Пару раз он даже вздохнул, посмотрел на часы – модные, из спецвыпуска швейцарской фирмы «Апфель» с портретом Хорста Весселя.

– Я усвоил. Ты смог понять, в чём причина?

Сумасшедший умолк. Некоторое время беззвучно шевелил губами:

– Силуэт из огня. Вспышка. Один глаз у меня ослеп. Яркий свет. Это ангел.

Павел ничуть не удивился. О чем ещё может говорить безумец? Уж явно не о квантовой физике. Главное, чтобы не замолкал. Он кивнул, всем своим видом выразив интерес:

– Продолжай.

– Он прошёл рядом, стоило нам проникнуть на место СОБЫТИЯ. Мы вошли и увидели ЭТО. Невыносимая яркость. Жар. Мозги у Германа сварились, вытекли через нос, и... он исчез. Я отчетливо видел. ОНО поглотит нас. Мы разлетимся на осколки.

– Ты помнишь его лицо? Этого ангела? Сможешь нарисовать?

Узник вырвал из его рук блокнот. Размашистыми, резки-

ми движениями набросал карандашом портрет – лицо, обрамлённое длинными волосами, нос с горбинкой, тонкие губы. «Отлично рисует, – отметил Павел. – Вот всегда так. Почему мы пашем в конторе за горсть рейхсмарок, а не развиваем заложенный богами талант? Правда, какое сейчас искусство в Москау... Рейх требует чёткости и минимализма, мускулистых героев а-ля Шварценеггер, без лишних красок. Для икебаны и иероглифов надо ехать в Токио».

Сумасшедший оторвался от листка. Глаза слезились.

– Это было так реально, что я ощущал его дыхание...

ОНО дышало пламенем.

Настроив *эфунк*, Павел сфотографировал рисунок с разных ракурсов. Отправив его на другой телефон, он задал ещё несколько вопросов, но не добился ничего нового. Сознание безумца вновь отправлялось по кругу: он видел всполохи пламени в воздухе, умирающих товарищей, огненного ангела. Потратив минут десять, Павел поднялся со стула. Он знал, в каком месте это случилось, но после рассказа не горел желанием увидеть тот кошмар своими глазами. Лучше разузнать, имеется ли какая-то защита от *раздражителя*. Незваных гостей тот, похоже, не жалует.

Он полез в карманчик рубашки, достал таблетку.

– Прими. Тебе полегчает.

Безумец захохотал – стало ясно, что он всё понял.

– Чудесно... как долго я этого ждал... валькирии, ко мне... наконец-то!

Павел шёл по коридору со стулом в руке, а стены изолятора сотрясались от хохота рыжего психа. *Эфунк* завибрировал. Павел открыл сообщение и прищёлкнул языком.

Срочно приезжай. Я знаю, кто это.

Хохот за его спиной резко оборвался.

...Японец у книжного стенда проводил уходящего Павла безразличным взглядом. Он вновь повернулся к стойке и погрузился в просмотр новинки от Стефании Майер.

Глава 7

Пицца «Бенито»

(последний этаж, телеканал «Викинг»)

Здание было воздвигнуто достаточно давно, в 1957 году, и на углах уже ободралась штукатурка. Въезд преграждался массивными бетонными блоками – за ними, в окружении мешков с песком, в пулемётных гнездах засели немцы из зондеркоманды «Феникс». На заднем дворе слышался рык моторов бронемашин, на крыше несли дежурство снайперы – отряды партизан не раз атаковали Министерство народного просвещения и пропаганды. Двадцать этажей этого бетонного монстра вмещали государственное телевидение, радиостанции, с десятков редакций газет, сувенирный магазинчик и помпезный ресторан «Туле». Коридоры внутри здания переплетались, как клубок змей, заблудиться было до-

вольно легко – только лифтов, ведущих в различные подразделения, построили восемь штук. ТВ заняло пять верхних этажей – самых престижных. Гости могли попасть в святая святых, предъявив охране в окошечко из пуленепробиваемого стекла аусвайс и пройдя через турникеты. Дальше их вели сотрудники телеканала «Викинг» – в качестве пропуска требовалось приложить ладонь к сканеру возле раздвижных дверей. Сразу на выходе из лифта, под потолком, висела «растяжка» с обширной цитатой из доктора Йозефа Геббельса:

**МЫ ВСЕГДА ГОВОРИМ ПРАВДУ.
НУ, ПОЧТИ ВСЕГДА.**

Согласно постановлению рейхстага Москау, телевидение получало из казны 20 процентов бюджета – столько же, сколько и армия. Заслуженно: руководители Триумвирата не раз убеждались, что *тэвэ* выполняет свои функции куда успешнее ракет и танков. Редко когда в истории даже самой сильной армии удавалось подавить массовое восстание, а вот телеэкран позволял жёстче, нежели патрули на улицах, контролировать головы. Звания на ТВ начинались от шарфюрера; даже корреспондентам полагались генеральские зарплаты и бесплатный продуктовый паёк. Оборудование *тэвэшиников* терзало страшной завистью сердца их коллег: отличные видеокамеры, скоростной Сёгунэ, дорогие автомобили. Среди мрамора в вестибюле «Викинга» сиял лыси-

ной бронзовый бюст Ганса-Ульриха Руделя – первого космонавта Третьего рейха, в 1952 году водрузившего на Луне флаг империи. Всемирная слава, миллионы автографов и полуголые фанатки, осаждавшие звезду даже в туалете, быстро сожрали карьеру Руделя: тот спился с рекордной скоростью – за полтора года. Космонавта сняли с полётов и перевели на «скучное хлебное место», руководить телевидением Берлина. Неожиданно Ганс-Ульрих с жаром отдался новой работе, и это стало приятным сюрпризом для руководства. Он вступил в общество трезвости «Адольф», сутками не спал, изобретая разговорные шоу, планировал телеигры, составлял сценарии популярных сериалов для домохозяек, вроде «Девушки моей мечты». Именно он превратил развлекательное ТВ в спрута, опутавшего мозг миллиардов арийцев. В 1965 году рейхстаг принял закон, согласно которому любой гражданин империи давал клятву смотреть телевизор не меньше трёх часов день – на каждом аппарате заводские рабочие начали устанавливать датчики включения. Многие законы с тех пор были отменены... но этот продолжал действовать.

... – Новости через десять минут! Ахтунг, ахтунг, просим всех приготовиться!

Сергей посмотрел на часы. Всё нормально, чуточку времени есть. Оттарабанить новости с дежурной улыбкой – это семечки, вот планёрка, что последует у *телефюрера* через полчаса, тут дело серьёзное. Выпуски обязательно идут

в записи, это настоящий конвейер. У ведущих под рукой в выемке на столе заготовки фраз-клише: «временные сложности», «улучшение радиационного фона», «рост рейхсмарки по отношению к иене» и «успехи в экономике». Для атак *шварцкопфов* – отдельная фишка: «бессмысленная жестокость», «массовая гибель мирных жителей» и «у террористов нет будущего».

Оператор навел на него камеру с силуэтом Руделя.

«Нет, что бы там ни говорили, Ганс-Ульрих – гениальный мужик, – подумал Сергей, рефлекторно коснувшись галстука от Версаче. – Умнее Геббельса. Нацисты ночей не спали, придумали кучу разных вещей, чтобы замусорить народу башку пропагандой, и добились обратного: людей стало тошнить от политики. А спившийся космонавт изобрёл простейшую штуку: если хочешь управлять разумом, надо просто его размягчить. Когда чел смотрит только юмор-шутки-развлекуху, он вообще не думает. У него нет предпочтений, одни рефлексы, ни дать ни взять собака Павлова. Включи ему под пиво программу «Прожектормарлендитрих», и можешь нажимать на любую кнопку».

Сергей не боялся признаться (по крайней мере, очень глубоко в мыслях) – он не любил Триумvirат. Считал себя интеллектуалом, почитывал в Сёгунэ запрещённые книжки и даже осторожно одобрял *шварцкопфов* – разумеется, в анонимных комментах. Таких сотрудников, кстати говоря, на канале «Викинг» было подавляющее большинство. Си-

дя в узком кругу за бутылкой шнапса, журналисты матерно крыли засилье оккупантов в сферах политики и экономики. Однако, вернувшись на службу, с поэтическим упоением «мочили» партизан во время эфира. «Я, ей-богу, прямо не знаю, – горестно признался как-то Сергею его коллега, штурмфюрер отдела политики Вася Колпаков. – Но вот уже рефлекс. Сажусь за стол, вижу камеру, и рот сам собой открывается... Что-то такое вот просто в крови. Фигу в кармане – и ту стремлюсь показать, если на стене – портрет фюрера». Каждый телеработник в душе держал оправдание, почему он так поступает: схожий набор штампов, как и на время телеэфира. «Семье нужно что-то есть», «на мое место найдут других» и «при фрицах хоть стабильность».

Рядом прозвучал женский смех. Сергей вздрогнул.

Палец с накрашенным ногтем бесцеремонно щёлкнул его по носу:

– Серёга, мой милый, ну и нос! На семерых рос, а тебе достался!

Сергей вымученно улыбнулся – гримёрша Маша исчезла за поворотом, успев призывно качнуть бёдрами. Вот сучка тамбовская. Вякнула такое в голос при всех, а кто-то намотает себе на ус. И опять пойдёт по кругу – приедут спецы из расового отдела СС: «Как это ты словчил проскочить мимо нас с таким шнобелем?» Придётся опять предоставить родословную до седьмого колена, сдавать анализ крови, череп станут измерять. Да и новую взятку этим умникам на-

до сунуть, потому что вскроется – прадед по материнской линии был наполовину армянином. А неарийцем, простите, мало того что жить негламурно, так без справки из расового отдела и на работу при всём желании не устроишься. Сергей знал многих людей, опустившихся на самое дно, обитающих в *арбайтенлагер* – общежитиях для иностранных слуг, в чьём присутствии нуждался рейхскомиссариат. Согласно уставу Москау, арийцам запрещалось заниматься чёрной работой вроде очистки канализации, прокладки рельсов и торговли фруктами на деревенских рынках. По договору с Ниппон коку для этих целей миллионами завозили китайских рабов – те обходились бесплатно, вкалывали сутками за еду. Точно такая судьба ждала и неарийцев.

Сергей зябко повёл плечами.

Нет уж. Лучше в бордель смотрителем. Что угодно, только не *арбайтенлагер*.

Он включил микрофон – на плазменном экране сменяли друг друга цифры. Раз, два, три...

– Дорогие телезрители, дамен унд геррен! В эфире – телеканал «Викинг». Начну с самых коротких новостей. Волна переименований захлестнула города империи. Жители Великого Новгорода ратуют за возврат своему мегаполису шведского названия – Хольмгорт. Это приурочено к постройке на главной площади храма Локки, скандинавского бога огня. Население Красноярска вчера составило петицию сюзерену Японской империи, официально запросив на-

зываться Городом Ароматных Хризантем. Очередной ситё²³ Урадзиосутоку с большим успехом провел фестиваль суши для туристов из рейха: на рисовых колобках подавались кусочки хариуса, налима и омуля. Фюрер рейхскомиссариата Туркестан Абдулло фон Циммерблют после пятничной молитвы в мечети Ашхабада выступил с предельно жёстким заявлением, пообещав нанести авиаудары по фермам свиней в рейхскомиссариате Украина. Прусские колонисты Крыма отметили фейерверком начало курортного сезона и троекратно повысили цены для отдыхающих. Насколько известно, так начинается каждый сезон, поэтому в прошлом году в Крым не приехал ни один турист. Новый обер-комендант города Москау назвал автомобильные пробки национальным достоянием и отказался от борьбы с ними. В Голливуде под руководством японских продюсеров начались съемки пятьдесят седьмой части боевика «Годзилла». На этот раз огромный динозавр из моря разрушает деревню эскимосов в Гренландии, последнее из не затронутых им мест. Мы уходим на рекламу, а потом меня сменит на выпуске фроляйн Ирина Носова.

...Ролик показал очень толстую и столь же счастливую домохозяйку – в платье с кружевами и вышивкой, похожую на уроженку Баварии, Руссланда и Украины одновременно.

– Когда я готовлю *вурстсалат*, – зашебетала она, – то всегда использую майонез «Ева Браун». Только он придаст мо-

²³ Глава администрации (*япон.*).

ей еде вкус побед империи. Низкий уровень радиации, лучшие искусственные красители, безвредная антихолестериновая химия. Майонез «Ева Браун»: яйца такие вкусные, словно вермахт украл их у сельской старушки.

Следом включилась реклама сети пиццерий «Бенито». Особую популярность их повара завоевали пиццей «Фашизм» – из помидоров с моцареллой и тушёной морковкой, символизирующей нос Пиноккио. В Москве пицца успешно конкурировала с суши. Реклама не удивляла – дымящееся тесто, вкусно тянущийся сыр, доставка в течение двадцати минут. В финальном кадре появился актёр, загримированный под дуче Муссолини – с выпученными глазами и сжатым ртом.

– Пицца «Бенито»! – потряс он кулаком в камеру. – Вечная, как тысячелетний рейх!

Ирина с молодецким задором продолжила зачитывать новости. Она на ТВ всего-то пару месяцев, а новички обычно наизнанку выворачиваются. Сергей погрузился в мысли.

«Весёлый народец эти итальянцы, – подумал он. – Даже диктатура у них – сплошной цирк. У нас – вымученный пафос и понты. Зачем власть борется с Сопротивлением, когда ясно – «лесное братство» не победить? Признались бы честно: империи необходим враг, иначе это не империя, а торговка сардельками. Вспомним букет сороковых годов, душа радуется. Большевики, семитские плутократы, воротилы с Уолл-стрит. Сознательно отказались от семитов, а ведь они –

универсальное изобретение человечества. Большевики хуже, хотя тоже чудесная торговая марка. На них так удобно сваливать проблемы».

Новости кончились, он сгрёб со стола бумаги. Запустили прогноз погоды.

– Вы включили счетчики Гейгера? – радостно спросила ведущая – хрупкая, но высокая блондинка. – И напрасно: сегодня ожидается снижение уровня радиации в воздухе. Возможно, это из-за новых саркофагов, опущенных на ядерные реакторы в Воронеже и Костроме. Температура обычная для декабря – плюс тридцать. Наслаждайтесь солнцем!

«Глобальное потепление и утечки радиации сделали своё дело, – мрачно усмехнулся Сергей. – В Москвау забыли снег, гуляем в шортах и футболках, а самый ходовой товар – кондиционеры. Селекционеры рейха обещают открыть и плантации с ананасами. Тогда мы официально станем тем, чем давно являемся, – обычной ананасовой республикой».

...Он встал из-за стола, когда услышал сзади шаги. К нему шли двое в серых костюмах, за ними спешил оберст отдела новостей – бледный, на ходу застёгивающий пиджак.

– Сергей Колычев? – спросил один из гостей, здоровенный верзила ростом под потолок.

Он кивнул, чувствуя, как леденеет внутри. Гестапо. Неужели они уже читают мысли?

– У нас к вам вопрос по поводу одной вашей коллеги.

Перед глазами Сергея оказался рисунок, сделанный про-

стым карандашом...

Глава 8

Туммо

(центр массажа «Эбицу», переулок Тибетский, 7)

– А т-ты в-видел м-мужика у вх-хода? П-похож на т-тебя как две капли в-воды. П-прикольно, п-правда? Т-ты с него, что ли, внешн-ность с-себе срисов-вал?

– Ради Тора, – огрызнулся Павел, отставляя пиалу с чаем. – Тебе заняться больше нечем? Похож и похож. Каждый из нас имеет двойника. Или, возможно, двух. Я не знаю, кем были мои родители, и не помню, откуда взял эту внешность. Просто забыл. Но, поскольку она внесена в электронную базу СС... Ладно, Жан-Пьер, если не возражаешь, немного помолчи. Мне сейчас нужно расслабиться.

Оберштурмфюрер Карасик послушно умолк.

Подушечки пальчиков массажистки придавили вены на висках Павла. Плечи обняло горячее полотенце, ноздри обоняли аромат жасмина. Он слышал своё дыхание – спокойное, ровное. Сеть массажных салонов «Эбицу» – лучшая в Москау, хоть и работают тут отнюдь не японки. Китайки либо калмычки, старательно изображающие дочерей Страны восходящего солнца. Касания девушки стали лёгкими, практически невесомыми. Беззвучно шевеля губами, Павел начал читать мантру – любимую, заученную в спецлагере

во время долгой стажировки в монастыре Ташилумпо. Веки смежились сами собой. Он слышал далекие отголоски журчания воды ручья и сладкое пение птиц. С каждой секундой звуки становились явственнее. Чётче. Разборчивее.

...Павел огляделся – он *плыл* по тропе среди джунглей, среди бордовых пальм, опутанных зелёными лианами. В алом небе порхали попугаи. Из гейзеров, шипя, струйками вырывался пар, стелился под ноги. «Удивительно, насколько у меня кислотное подсознание, – отметил Павел. – Наверное, это у всех, кто в реальной жизни излишне мрачен». Он всегда погружался в глубокую медитацию, когда требовалось поразмыслить. Мысли уносились в загадочный мир – и растворялись в буйстве красок, среди оранжевых птиц и красной травы. Иногда он даже думал, может, именно так выглядит рай? *Туммо*, или, в переводе с тибетского, «система внутреннего огня», – совершенно особый вид медитации. Она, и верно, сжигает мозг изнутри, раскаляя, как уголь, и пользоваться ею часто – не рекомендуется. Разве что в очень важных случаях.

А сейчас – именно такой случай.

Он поднялся по ступеням, увитым орхидеями, на высокий холм. Гостя ожидал резной трон из слоновой кости, окруженный четырьмя красными барабанами. Поочередно ударив в каждый барабан, Павел раскачивался, *впитывая* исходящий гул. Как только последнее эхо умолкло, он занял трон. Босые ноги сейчас же оплели лианы, а небо над голо-

вой разверзлось, сверкая молниями. Он смотрел перед собой во все глаза. Сейчас. Да.

Он увидел лицо, нарисованное карандашом. Тонкий нос. Длинные волосы. Чёрные зрачки. Ольга Селина. Телеведущая канала «Викинг». Погибла два месяца назад. Кто мог подумать: гламурная девица, с двумя высшими образованиями, телезвезда со своим фан-клубом, и вдруг – партизанка, командир одной из ячеек *шварцкопфов*? Её боевая группа напала на кортеж обер-коменданта Москау фон Травинского, устроив засаду на Арийской улице. Самый громкий теракт года. Боевики с гранатомётами зажгли машины кортежа спереди и сзади, снайперы открыли огонь с крыш кауф-хофа «Мюнхен». Обер-комендант был убит первым, также погибли пятнадцать человек охраны и все восемь нападавших: по ним нанесли удар вертолеты «Фогель». Тела четырёх партизан не нашли, их просто разнесло в клочья. Оpoznанием (по анализу ДНК) занималась лаборатория гестапо.

Жан-Пьер рассказал: высшее начальство, вплоть до Триумvirата, пришло в ужас, едва выяснилось: одна из звёзд «Викинга» – участница нападения. Уличные видеокамеры зафиксировали момент атаки – Ольга, затянута в чёрную кожу, со «шмайссером» на плече, отдает команды боевикам. В прессе об этом, естественно, не объявили. Для богемы, замешанной в связях с партизанами, имелось особое наказание – **забвение**. Актёры, телеведущие, певцы, неосторожно похвалившие в Сёгунэ «лесное братство», пожизненно

исключались из упоминаний ТВ, радио и газет. Настоящая смерть. Никаких интервью, участия в разговорных шоу, вообще – ни слова. Уже через неделю после **забвения** любая звезда соглашалась сняться в низкопробном порнофильме, лишь бы привлечь внимание прессы. Но это не помогало. Наказание стирало всех, и не было храбрецов, способных ему противостоять. Как правило, актёр или певец, обречённый на **забвение**, через три месяца совершал самоубийство. Конечно, попадались и особо стойкие, но больше полугода не выдерживал никто. Посему пропажу Селиной восприняли нормально: как телезрители, так и коллеги по работе. Видать, провинилась. Допрос Колычева, напарника Селиной по новостям, ничего не дал. Он единственный, с кем Ольга водила дружбу и посещала клубы, а так... ни родственников, ни друзей. Проверили телефон Колычева – нет, ни одного звонка от неё после теракта.

Лианы оплели всё тело Павла. Сомкнулись над головой.

Кое-где стебли растений треснули, наружу просунулись ядовито-красные лепестки. Мёртвую телезвезду не нашли. И она, и трое других партизан оказались в эпицентре взрыва ракет. Обломки костей, обрывки тканей, кровь – вот и всё, что удалось получить для анализа ДНК. Однако эксперимент, закончившийся помешательством учёных гестапо, проводили недавно, и по крайней мере один из повредившихся в уме видел Ольгу. Как пылающего ангела, и сей факт стоил бедолаге рассудка.

Это может означать как минимум две вещи. Первая – по-пусторонний мир реально существует. Оттуда покойная Ольга с крыльями и явилась гестаповцам посреди огня. Вторая – она и есть тот самый *раздражитель*, разыскиваемый Павлом по приказу Триумvirата. Ольга Селина и пылающий ангел – одно лицо. Он почти уверен.

Вот только как её найти, если она мертва?

Небо рассыпалось на извивающихся змей. Гейзеры ударили фонтанами крови. Воздух сгустился. Павел не видел, но ощущал: вокруг, рыча, бьют хвостами пантеры. ОНА НЕ УМЕРЛА. Он чувствует, как колотится её сердце. Ведь труп не обнаружен, Селиной выгодно, чтобы её считали мёртвой. Ногти, кусочки кожи, окровавленные тряпки, послужившие источником ДНК, – вовсе не свидетельство смерти. Как же Ольге удалось уйти из центра города, оцепленного спецназом СС? Записи видеокамер изучены, там мало что видно, Арийскую заволокло дымом и пылью щебёнки. Спецназ прочесал переулки в радиусе трёх километров – никого. Ни мёртвых, ни раненых.

Он сильнее смежил веки – из глаз каплями засочилась кровь. Джунгли ожили, каждый лист разразился воем, смерч закручивал воду в огромный брызжащий вихрь. В голове чётко отпечатывалось лентой пишущей машинки, заглавными готическими буквами:

МИНИСТЕРСТВО НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ.

КАУФ-ХОФ «МЮНХЕН».
ОБЕР-КОМЕНДАТУРА.
РЕЗИДЕНЦИЯ БУРГОМИСТРА.

Вроде бы всё. Причём «Мюнхен» не работал, месяц назад его закрыли на ремонт. Что там ещё? Ах, ну да. Храм Одина. Строение в псевдоскандинавском стиле – копия пещеры, святилища викингов в Исландии. Так-так-так. Согласно отчёту, что передал Жан-Пьер, зондеркоманда СС «Калинушка» сразу после атаки обыскала все соседние здания. Прилагалась и бумага с перечнем этих зданий. По номерам, в гестапо ведь бюрократы.

Лишь один домик они не учли – храм Одина. Правильно. Никто не пойдёт с обыском в святилище, это идиотизм. Жрецы культа Асгарда – опора существующего режима, ничуть не хуже телевидения. Огромные зарплаты, квартиры, награды, звания в СС.

ЗНАЧИТ, ХРАМ НЕ ПРОВЕРЯЛСЯ.

А между тем от места атаки его отделяет пара десятков метров. И под покровом дымовой завесы КТО-ТО запросто мог вытащить раненую девушку и спрятать в одном из помещений. Прихожане увидят кровавый след? Не проблема. В храмах викингов часто приносят жертву, режут на алтарях крупных животных, овец и коз. Допустим даже, спецназ заглянул в чертоги богов. И что? «Всё в порядке, герр жрец?» – «Да, сыны Одина, всё отлично». Надо ехать туда. Срочно. Понять – **была ли она там.**

Вой в ушах прервался. Оранжевые птицы лопнули, как воздушные шарик. Пальмы съёжились, распадаясь на комочки манной каши. Трон медленно растаял в воздухе.

Павел открыл глаза.

Он рывком поднялся, отстранив девушку-массажистку. Полотенце сползло на пол.

– Собирайся, – затряс он уснувшего Жан-Пьера. – Едем в центр, на Арийскую.

Они выходили в дверь, когда Павел увидел японца. Он узнал его – «шарпей» из самолёта. Старик стоял неподалёку, рядом с охранником. Тем самым, что был похож на него.

Голову пронзила молния догадки. «Он здесь не просто так. Он пришёл за мной».

Остановившись, Павел выхватил из кармана браунинг, но выстрелить не успел.

...Воздух разорвало грохотом. Жёлтое пламя ударило ему прямо в лицо.

Архив рейхскомиссариата № 1.

«Досье ZL8 – Политики»

«...20 октября 1941 года войска вермахта вошли в Москау и после двух месяцев уличных боёв овладели столицей Руссланда, включая Кремель. Поиски Иосифа Сталина оказались тщетными. Согласно докладу Управления имперской

безопасности, именно он стоял за терактом «Возмездие-42», уничтожившим на площади Нибелунгов руководство рейха. По информации абвера, позже Сталин скрывался в подземном бункере в Куйбышеве (ныне Фюрербург), откуда руководил сопротивлением партизан. После взятия Фюрербурга он исчез окончательно. Отряды боевиков, действующие на Урале и в Сибири, до сих пор признают Сталина своим духовным лидером. Даниил, патриарх Лесной Церкви (секты, объединившей служителей православия, что не признали переход Руссланда под топоры богов Асгарда), усиленно поддерживает легенду: став отшельником, Сталин живёт в ските, в глухой чаще сибирской тайги, и молится за победу. На жаргоне боевиков Сталина зовут просто «старец», для «лесных» он нечто вроде святой иконы. Клим Ворошилов бежал в Иран, укрывался в курдских районах как «гость Масуда Барзани». В 1948 году он был схвачен в ходе спецоперации десантом парашютистов СС, при аресте подорвал себя гранатой. Калинин публично покаялся и перешёл на службу в рейхскомиссариат Москау, документально доказав своё арийское происхождение. Позже он работал в Министерстве финансов под руководством Вальтера Функа. Генералы Жуков и Рокоссовский, отступив из Москау, сформировали «лесные бригады» рядом с Мурманском: секретные подземные заводы производили всё нужное, включая орудия и танки. После их смерти фронт распался на отдельные партизанские отряды. Премьер-министр Великобрита-

нии Уинстон Черчилль был взят в плен во время штурма Лондона, заключён в Тауэр – в ту же камеру, где сидел Рудольф Гесс. В 1949 году Черчилль покончил жизнь самоубийством, вскрыв себе вены. Король Британии Георг VI успел на подводной лодке бежать в Канаду, дальнейшие следы монарха теряются. Генерал Шарль де Голль возглавил сопротивление французов в Африке и погиб в 1955 году в джунглях Мадагаскара, попав под авиаудар люфтваффе. Император Ниппона Хирохито всё время своего царствования не покидал страну, следуя традициям: он даже отказался посетить японское ядерное испытание – в 1948 году, на одном из островов Индонезии. Хирохито отверг идею предоставить гражданство жителям оккупированных территорий. Поэтому австралийцам и аляскинцам, в отличие от японцев, имеющих белый паспорт, выдаётся жёлтый рёкен. Браки между японцами и европейцами официально запрещены. Аналогичный закон «о расовой чистоте» действует с 1935 года и в РейхСоюзе. Сейчас Ниппон коку возглавляет Акихито, он равнодушен к политике и свободные часы тратит на сочинение хокку. Согласно приговору Нойе-Йоркского трибунала под председательством Роланда Фрейслера, 11 декабря 1958 года президент США Гарри Трумэн и главнокомандующий американской армии Дуайт Эйзенхауэр были публично повешены на Цайт Плац. Демократическая и Республиканская партии подверглись запрету как «отвратительные образчики политики плутократов». Прах экс-президента Рузвель-

та извлечён из могилы и под барабанный бой торжественно сброшен в реку Гудзон. Десятки тысяч американцев погибли при погромах («вашингтонская резня»), устроенных японцами, выпущенными из лагерей:²⁴ армия микадо не чинила препятствий беспорядкам, объявив их «справедливой мезтью». Мстители сожгли здания Белого дома и Капитолия, многие конгрессмены задохнулись в дыму.

Китайские коммунисты десятки лет продолжают партизанскую войну с Японией в большинстве провинций Поднебесной. Их лидер Мао Цзэдун поставил себе цель – оставить как можно больше наследников, назвав свою идею «гидра с миллиардом голов». К 1982 году, когда «командир Мао» скончался от рака в дождевых лесах провинции Юннань, сто молодых партизанок родили ему триста детей обоего пола. Эту же систему взяли на вооружение другие полевые командиры, и теперь у китайских коммунистов нет проблем с кадрами. В 1980 году в Москау был арестован заместитель Сталина Хрущёв. Все это время он скрывался на своей квартире, и никому не пришло в голову там его искать».

Разрешено в общий доступ, зам. рейхскомиссара Пауль фон Брейвиц.

²⁴ После нападения Японии на США (7 декабря 1941 г.) 110 тысяч японцев, живущих в Соединённых Штатах, по приказу президента Рузвельта от 19 февраля 1942 г. были отправлены в «военные центры перемещения».

Глава 9

Урадзиосутоку

(улица Восторга Микадо, кафе «Нагасаки»)

У меня стучит кровь в висках. Ещё хуже, чем после обморока в храме. Сумбурное состояние. Вроде как мне отрезали голову, а я ощущаю остальное тело... Так человек, которому ампутировали ноги, чувствует их. Да-да, фантомная боль. Кажется, отслоилось всё – кожа, кости, ногти. А что, вполне возможно. Пройти через ЭТО без проблем, не потеряв ни единой частицы своего тела, – из области сказок. Я словно вижу себя со стороны. Надо же, я не в облачении жреца. Чёрный костюм, котелок, ботинки – обычная одежда жителя Урадзиосутоку на время рабочего дня. Зонтик из бумаги бережёт лицо от лучей палящего солнца. Официантка в одежде гейши цокает гэта, сгибается в поклоне.

– Ирасяй... что-нибудь ещё желаете заказать, благословенный сюдзин?²⁵

– Данке шён, – слабо машу я ей рукой. – Просто... вот это...

– Якитори сейчас будут, – угодливо кивает она. – В лучшем виде, с соевым соусом. Сакэ нагреваем на медленном огне, стараемся. Гомэн кудасай, хочу предложить одну вещь...

²⁵ Господин (*япон.*).

Она согнулась к моему уху, обдав свежим ароматом утренних хризантем.

– Самогонка имеется, своя, – вкрадчиво шепчет гейша. – Чистейшая, как слеза.

– Неси, – точно таким же тоном соглашаюсь я. – Капуста квашеная есть?

– Сделаем, миленький... под фунчозу замаскируем, нехристи не разнюхают.

Разрумянившись, официантка исчезает на кухне, под вывеской с иероглифами.

Ну, надо же... Урадзиосутоку захвачен японцами 10 сентября 1941-го, после официального вступления Ниппона в войну. Прошло семьдесят лет, и от того мегаполиса, частично кайзеровского и частично большевистского, практически ничего не осталось. Первым делом японцы восстановили тут Республику Приамурье²⁶, даже вызвали из эмиграции прежних белогвардейских правителей – купцов Меркуловых. Однако уже через год решили: такой лакомый кусочек должен быть в составе Ниппон коку. Теперь Урадзиосутоку – это чисто японский город, поделённый на строгие квадраты, как на острове Карафуту, и сплошь застроенный типовыми серыми и белыми зданиями – с загнутыми краями крыш, чтобы могли селиться ласточки. Улицы тонут в цвету-

²⁶ Государство, существовавшее с 26 мая 1921 г. по 25 октября 1922 г. на Дальнем Востоке. Признано США и Японией. После вступления во Владивосток большевистских отрядов прекратило существование.

щих ветвях сакуры – пластиковой, конечно, ибо дикая вишня не сдурела, чтобы цвести в это время года. Светятся иероглифы на лавочках японцев, разложивших сушить щупальца кальмаров. Слышны визгливые крики торгашей, расхваливающих товар на рыбном рынке у пристани. С омерзением рассматриваю васаби на тарелочке. Где же мой самогон?!

Сакура цветёт повсюду,
Голову хрень поглотила,
Хочется выпить бухла.

Строчки в голове сами собой сложились в трёхстишие, *хокку*. Кафе «Нагасаки» – уютные беседки в стиле буддийского храма на высоком холме. Отсюда отлично видна бухта, где плавают чудо-кораблики с красными бумажными парусами, кажется, в Китае их называют «джонки». Я смутно помню: недавно мы шли вверх по улице Спокойного Дракона. С крыш свисали разноцветные фонарики с иероглифами, а улыбчивые продавцы в кимоно, высовываясь навстречу из лавочек, кланялись и кричали: «Окаэри насай!»²⁷ Город поглощён японской культурой, но не полностью. Лютеранскую кирху, костёл Богородицы и арку Цесаревича власти оставили как экзотику – рядом обожают фотографироваться туристы из префектуры Хоккайдо. В переводе с японского Урадзиосутоку – «соляная бухта», но руссландцы зо-

²⁷ Добро пожаловать! (*япон.*).

вут город по-старому, Владивосёки. Ближе к гавани Утренней Свежести (в честь соседней провинции Корея) возведена арка богини солнца Аматаэрасу. К ней после церемоний в синтоистских храмах спешат поклониться молодожёны, испить чаю в тени истинной мудрости. Стоит проехать на машине десять минут, и перед вами – бело-голубой особняк консульства империи Манчжоу-Го, в здании бывшей городской думы, окружённый многоцветьем китайских ресторанчиков. Не так давно (я слышал в новостях «Викинга») в городе объявили траур, гейши отказались принимать гостей в знак скорби – прежний ситё совершил обряд сеппуку, оставив записку на шёлке: «Мой император. Я взрезаю себе живот, не в силах больше править этой землёй, где люди занюхивают сакэ рукавом кимоно. Прошу прощения, что опечалил ваше сердце, – увы, больше мне не выдержать». Да, уроженцам Ниппона тут тяжело. Они выбились из сил, пытаюсь японизировать Дальний Восток, но бесполезно. Всё по-прежнему. Сигэмицу Сидоров бьёт морду Дзиммэю Гончаренко по причине того, что жена Сигэмицу – достойная хозяйка чайных церемоний Кумико Сергеевна – надела чересчур откровенное кимоно, а Дзиммэй тайком запустил длань под волнующий шёлк. И никаких поклонов, никаких извинений, никаких стихов, внятно описывающих сожаления, терзающие чёрное сердце негодяя Дзиммэя.

Восходящее солнце зашло,

А самураи втроём
Хлещут сакэ из ведра.

Это хокку ситё написал собственной кровью, полоснув себя катаной поперёк живота. Германизация европейской части России оказалась успешней, каждому приятно считаться «белокурой бестией», чьи предки-арии пришли из окрестностей горы Кайлас со свастикой на склоне. А не «косоглазой япошкой – обезьяной с пальмы». Да, в самом Москау культура Ниппон коку популярна сугубо потому, что экзотический Токио далеко, а здешние люди на дух не переносят «азиатчины». Сколь полиция ни запрещала подпольные сообщества, где пьют чай из самоваров, они лишь множатся и множатся.

– Ваше сакэ, достопочтимый сюдзин. Заклинаю Аматаэрасу, обратите внимание.

Официантка, кланяясь в пояс, подаёт мне на подносе фарфоровый кувшинчик.

Я киваю. Трясущейся рукой наливаю жидкость в чашечку. Выпиваю залпом.

Мать вашу в Нибелунгов. Горит, как огонь в глазах Локки. До чего ж хорошо.

Капуста упруго хрустит на зубах. Жизнь возвращается. Ну-ка, по второй. Кажется, здесь начинаешь даже думать в стиле хокку. Зачем нужен аспирин, если есть самогончик?

Ольга появляется передо мной внезапно. Сначала я принимаю её за официантку – она тоже закутана в кимоно, чёр-

ное, расшитое жёлтыми драконами. Девушка усмехается.

– Я гляжу, арийский лак слез с вас быстро. На водку перешли? А где шнапс?

Я ничуть не смущён. После того, ЧТО случилось, я выпью и стеклоочиститель.

– Шнапс в переводе с немецкого – тот же самогон. – Я вновь тянусь за капустой. – Просто, может быть, более деликатный. Присаживайтесь. Вы достали то, что я просил?

Она кивает. Извлекает чемоданчик из-под стола, внутри – портативный компьютер-«бух». «Сони», конечно. Тот самый, которым пользуются только истинные арийцы. Беленький, очень симпатичный. Лизнув палец, я касаюсь кнопки: система автоматически распознаёт мою ДНК. Начинается загрузка. Светится экран – система «Сакура», как обычно, думает долго, с подвисаниями. Слышна чарующая музыка колокольчиков.

– Взяла в аренду, – отвечает Ольга на немой вопрос. – Пятьсот иен, заплатила картой.

Я стучу по клавишам. Захожу в раздел Сёгунэ, где у меня особый кабинет с управлением видеокамерами. Я могу смотреть запись из любой точки в мире. Три камеры установлены в храме Одина, две в моей квартире. Пароль – asgard: не очень изобретательно, согласен. Ставлю режим «реального времени», поворачиваю камеру.

...В храм Одина набилось столько народу, яблоку упасть негде. Многие в пятнистом камуфляже и чёрной форме –

спецназ СС. Есть люди и в штатском. Они оглядываются во-
круг. Ходят. Рассматривают. Камера транслирует картинку
с «зерном», но на лицах заметна печать удивления. Ещё бы.
Я сам так удивлялся, придя в себя после обморока. Алтарь
с жертвенником *плавает* в воздухе как привидение, проек-
ция фильма ужасов. Он полупрозрачен, просматривается на-
сквозь. Стены грота колеблются, как морская волна, их про-
низывает зыбью. Один из военных приближается к изваянию
Рюбецаля, духа – повелителя гномов. Да-да, это мой люби-
мец, скорчившийся старичок с белой бородой, работа хоро-
шего скульптора – вырублен из пещерного гранита. О, сейчас
будет сюрприз. Эсэсовец дотрагивается и... наверное, кри-
чит от ужаса. Его рука полностью **погружается внутрь** Рю-
бецаля. Фигура кажется монолитной, но на деле она словно
из жидкости. Не камень, а вязкая субстанция, наподобие ки-
селя. Он не знает, что в этом ряду имелось пять каменных
божеств, а не одно. Остальные пропали, стоило мне упасть
в обморок. Да и не только они. Куда-то делся и жертвенный
козёл...

Отрядом военных командует человек в серой рубашке
и серых же брюках. Отдаёт приказы. Они вытягиваются пе-
ред ним, он большой начальник. Его лицо мне незнакомо.
На всякий случай подвожу камеру ближе. Он поворачивает-
ся. Я делаю снимок – один, второй. Изображение вдруг вспы-
хивает и резко гаснет. В чём дело?

– Он выстрелил в камеру, – спокойно поясняет Ольга. –

С минуты на минуту эти люди будут в вашей квартире. Вот почему мы здесь. Меня прорезало предчувствие, что моё убежище скоро обнаружат, за мной придут... в ближайшее время. Я не ошиблась.

Со щелчком закрываю крышку «буха». Наполняю фарфор самогоном.

– Зер гут. – Я вдыхаю первозданный аромат деревенского первача. – Восстановим события по крупицам. Хотя, собственно, там нечего и восстанавливать. Я вернулся домой. Вы были прикованы наручниками к постели. Я подошёл к вам, чтобы их отстегнуть...

Я обвожу взглядом залив: над океаном кричат чайки. Официантка вежливо кланяется очередному посетителю. Выдохнув, залпом выпиваю. Хватаю палочками капусту.

... – и мы оказались здесь. За десять тысяч километров от Москау. Что произошло?

Она тихо смеётся. Поправляет чёрные волосы. Она чертовски хороша в этот момент.

– Я не в курсе, как это случается. Наверное, в моменты **особой опасности**. Я такие вещи не контролирую. Именно так я *переместилась* после ранения в храм Одина, где вы меня и нашли. Помните, вы думали, что тело принесли партизаны... хотя двери были заперты. Вы положили меня на перевязку, там, под статуей Рюбецаля. Энергия внутри моей головы срабатывает, как *телехафен*...²⁸ Но я сама не знаю,

²⁸ Телепорт (нем.).

когда это произойдёт...

– Почему же вы не исчезли раньше?.. Ведь наручники вас бы не удержали.

Она щёлкает зажигалкой. Да, в Ниппон коку не арестуют за курение в кафе.

– Наверное, потому, что в вашем случае мне ничто не грозило...

ГРОХОТ. СТРАШНЫЙ ВОЙ. КРИКИ.

Улица Восторга Микадо на моих глазах, как в замедленной съёмке, проваливается сквозь землю. В центре пешеходной зоны появляется круглая воронка. В бездну сползают кукольно-красивые домики с красными фонариками, рушится, заваливаясь набок вместе с колокольней, кирха святого Павла, сотнями сыплются вниз фигурки людей. Воронка расширяется – словно огромный улыбающийся безгубый рот. Я слышу дикие вопли умирающих. Дома *проникают* сквозь асфальт, ставший зыбким, как подсолнечное масло. На моих глазах погибает этот город, и я ничего не могу сделать. Люди кричат от ужаса. Тела становятся прозрачными, словно из тонкого стекла. Я вижу их сердце, печень, мозг, как бежит по венам кровь. Целые толпы людей-стекляшек. Трещины паутиной расползаются по Урадзиосутоку. Деревья ломаются, как спички. Океан шипит, захлёбываясь мёртвой рыбой, корчась в конвульсиях. Я судорожно хватаю нож со стола.

Втыкаю в правую ладонь. Ту, что уже покрыта шрамами.

На тарелку брызжет кровь, смешиваясь с соевым со-

усом. Я смотрю девушке в лицо и вижу череп. Оскаленный в страшной улыбке череп, с упоением затягивающийся сигаретой.

– Что вы такое... – из последних сил хриплю я. – Что, чёрт возьми, вы такое?..

Она переводит на меня взгляд. Зрачков нет – они заполнены тёмной бездной.

– Удивительный вопрос, – выдыхает она дым. – Неужели вы ещё не догадались?

Часть вторая

Чёрное солнце

*Все ждут света – бояться не надо.
Солнце светит в глаза – его право.
Сегодня ночью ему не зайти –
Мир тайно считает до десяти...*

Rammstein, «Sonne»

Глава 1

Сеппуку

(Отель «Сакура», полулюкс, номер 298)

...«Я пишу это письмо, находясь в здравом уме и трезвой памяти. Мое имя – Ямамура Онода, я майор генерального штаба Ниппон коку, по совместительству – представитель торговой фирмы «Касио» в рейхскомиссариате Москва. Я нижайше приношу извинения всем, кто пострадал из-за моих ужаснейших ошибок, послуживших срыву операции «Юкио Сэки»²⁹. Да, это не кто иной, как ваш недо-

²⁹ 23-летний японский пилот, 25 октября 1944 года врезавшийся в авианосец ВМС США в заливе Лейте. Это была первая атака лётчика-камикадзе.

стойный слуга, предложил в качестве *токкотая*³⁰ кандидатуру ассистента военного переводчика Киёси Итиро, моего давнего сослуживца на Карафуто. Я ввёл себя в опасное заблуждение: престарелый пенсионер Итиро представлялся мне идеальным вариантом. Он страдал от раковой опухоли мозга и посему легко согласился стать исполнителем задания – при условии выплаты «Микадо-банком» двух миллионов иен его детям. Жена *токкотая*, Садако, выразила желание умереть вместе с мужем. Я, высоко оценив её настрой, дал согласие – семья японцев-туристов вызовет у *объекта* минимум подозрений. Наши лучшие специалисты в Токио изготовили взрывное устройство – так, чтобы оно выглядело любительской конструкцией, собранной по чертежу анархистов из сети Сёгунэ. После нескольких репетиций Итиро-сан записал видеообращение, где ровным голосом признавался в сочувствии движению *шварцкопфов* и Большевицкой партии Ниппона. 12 декабря 23 года эры Хэйсэй³¹ (да длится она вечно!) императорская комендатура Гонконга обеспечила посадку супругов Итиро без досмотра на борт самолёта «юнкерс-564», выполнявшего рейс до Москау. Как обычно, мы не имели описания внешности *объекта*, но разведка гарантировала его присутствие. Жена *токкотая*, следуя моей

³⁰ Сами японцы называли камикадзе именно аббревиатурой «токкотай», что в переводе значит «Специальные ударные отряды «Божественный ветер».

³¹ Эра Хэйсэй (как правило, воцарение нового императора в Японии означает новое летоисчисление) началась с приходом на трон Акихито, в 1989 г.

инструкции, собиралась привести бомбу в действие на подъёте к аэропорту Москва. По словам Садако-сан, она включила детонатор, спрятанный в дамской сумочке, – однако взрыва почему-то не произошло. Женщина сказала правду. Уже после беседы с её мужем я осмотрел детонатор и выяснил – он сломан, причём намеренно. У меня нет сомнений, Итиро-сан таким образом спас жизнь жене – не желая, чтобы она умерла вместе с ним. Глупо. Он упустил шанс выполнить задание, а его семья лишилась денег.

Впоследствии он сожалел о своём поступке.

...Испытывая горечь упомянутой неудачи, прошу отметить: позже Итиро-сан сделал всё возможное, дабы исправить отвратительные последствия порчи детонатора и восстановить свою честь. Только благодаря ему мы обрели детальное описание внешности *объекта*, – Итиро-сан видел, как штурмбаннфюрера с почётом встречали на трапе и сажали в лимузин. Сняв квартиру, самурай подошёл к заданию со всей ответственностью. Получая от меня оперативную информацию, он следовал за своей целью в Москва, чтобы подойти к *объекту* на максимально близкое расстояние. После звонка нашего «крота» в гестапо старик прибыл в магазин «Бухенрай» и караулил цель в торговом зале вплоть до закрытия. Вечером он клялся богом Сусаноо: *объект* так и не появился. Прибавьте ещё один мой провал! Опасаясь разглашения тайны, я не посвятил Итиро-сан в особенности поведения Павла Локтева.

Это повлияло на всё остальное.

Сегодня Итиро-сан безропотно нажал на кнопку нового детонатора и отправился к ногам богини Амаэрасу, восхваляя величие микадо. Он привёл в действие взрывное устройство у входа в массажный центр «Эбицу», находясь рядом с личностью, как две капли воды похожей на *объект*. Погибло семь человек, включая самого *токкотая*. Предполагаю, опухоль лишила Итиро-сан возможности нормально мыслить, иначе он задался бы вопросом, почему Локтев дежурит у автостоянки в форме оберсфрейтора охраны? Так или иначе, наша главная цель не пострадала, в лучшем случае – получила пару царапин.

Я полностью беру вину за крах моей стратегии. Долгие годы жизни в Руссланде пропитали моё сердце гнилью необязательств и бездумий. Я не предусмотрел вариант, что «юнкерс» НЕ БУДЕТ взорван. План был расписан мною по пунктам, и я упился нежностью лепестков своих мыслей. Взрыв самолёта – теракт больного раком, фанатика-одиночки, на старости лет одурманенного большевистскими идеями. Видеозапись с признанием Оноды-сан укрепила бы мнение гестапо, что гибель их спецаргента в авиакатастрофе – трагическая случайность. Мы охотно подбросили бы и другие доказательства, отведя подозрения от разведки Ниппон коку. План был идеален, и в этом таилась его главная опасность. Я не продумал, как действовать, если что-то пойдёт не так. Верный исполнитель, который не колеблет-

ся умереть. Замкнутое пространство «юнкерса». Шикарная легенда и видеопризнание. Что может быть лучше? Впервые за многие годы я ласкаю взглядом самурайский меч. Мне почти невозможно себя простить.

...Я возглавляю резидентуру в Москау десять лет подряд. Мне платят двойное жалованье – за сложность работы. Москау действительно страшное место: ты никогда не обретёшь спокойствие. Поверьте, я отрабатываю свои деньги до последнего *рина* – в то время как мои коллеги расслабленно дремлют в шезлонге на Соломоновых островах или у пляжа Нгапали в Бирме, отпив коктейля со сливовым виски. Я бы охотно поменялся с ними местами. Не только с «азиатами», но и с теми, кто несёт службу в офисах Европы.

Уважаемые коллеги нервно меня поправят – там опасно, ведь Сопротивление до сих пор существует в Нидерландах, Дании и Норвегии. Да, действительно существует... такое же, как и в сороковых годах. Опереточное, позёрское, декоративное. Группа юнцов в масках, задыхаясь от собственной смелости, срывает флаг империи со скульптуры Русалочки в Копенгагене или расписывает краской из баллончиков памятник фюреру. Вселенский скандал, газеты разрывают сердце обывателя заголовками, ТВ скорбно предрекает эру терроризма. Законодатель Сопротивления – мода. В Европе модно быть революционером, борцом с системой: граждане любят размещать в Сети запретные книги и сочинять песни, призывающие к борьбе. Но что дальше? Юнцов ловит

гестапо, они сдают всех приятелей, а после горестно каются на ТВ, объясняя свои акции побочными эффектами от приёма наркотиков. Соппротивление в Западной Европе законсервировалось внутри Сёгунэ. Слишком мало арийцев желают рискнуть своим благополучием. После Двдцатилетней Войны китайские рабы подняли города западных рейхско-миссариатов из руин, произошёл экономический бум, сытная жизнь проистекла сыром и колбасой.

Черчилль в своё время обещал, что если немцы вторгнутся в Британию, его страна будет воевать до последнего англичанина. И что мы видим? Странные акции, на местном языке – «флэш-мобы»: молодёжь выкладывает из огоньков свечей у Гросс Бена фразу FUCK NAZI, страшно гордясь собой. Но разве режим свергают свечами? Не работа – мечта.

Однако Империя восходящего солнца послала меня сюда, в центр болот и мрачных башен, Москау. Тут – ДРУГОЕ. Одни руссландцы ненавидят немцев как оккупантов, другие – приветствуют как гарантов европейской цивилизации. Зато Ниппон коку не любят все сразу. Вы не поверите моим словам, но в этой стране публика восторгается японской живописью, обожает японскую кухню, ценит японскую культуру... и презирает самих японцев. Я давно привык трижды в день проверять автомобиль, не прилепил ли сторонний «доброжелатель» на днище магнитную мину? Лосося я ем в проверенных ресторанах, дабы избежать отравления. Услаждаю свой слух вечерними стихами только с японски-

ми девушками, обученными чайной церемонии в Институте гейш Киото. Каждый день я на острие меча плыву между Сциллой и Харибдой. Партизаны охотятся за мной как за союзником Великогермании. Сторонники рейха, не любящие азиатов, без сомнений подарят мне пулю между глаз, рискни я ближе к ночи проехаться в метро. Богиня Аматаэрасу, как же тут сложно.

...Одно время я писал стихи, тщательно рисуя иероглифы на рисовой бумаге. Теперь забросил, не сочиняется. Москва проникает в тебя, как ленточный паразит, разрушает изнутри. Ты выпитываешь местные мысли и образ жизни, сам того не ожидая. Я совсем обрусел. Я могу даже рыбу фугу запить спиртом – и, кстати, так она лучше идёт.

Я понимаю, что вы ждёте в конце моего письма.

Простите. Но именно по причине долгой жизни в Руссланде я не стану проводить обряд сеппуку, хотя о нём стонет моя честь самурая, а катана сама просится, чтобы её вынули из ножен. Я отлично понимаю, отыскать Павла Локтева сейчас будет трудно... В первую очередь потому, что он знает – за ним охотятся. Я не ищу оправданий, но хочу заверить, я быстро принял нужные меры. Садако больше ничего не скажет, об этом позаботились через полчаса после активации бомбы. Её не найдут, тело кремировано. Мы загодя сделали новую видеозапись с Итиро-сан, без слов о самолёте, сейчас она заливается в Сёгунэ. Главное – не испортить отношений. Третий рейх и Ниппон коку – большие дру-

зья. Как же плохо, когда нет врагов! Шпионить против друзей становится печальной необходимостью. На карту поставлено слишком многое: успеха мероприятия ждут мои друзья в Токио. Попытки устранить Локтева мы предпринимали и раньше, очень аккуратно, однако безуспешно. Авиакатастрофа была бы идеальным вариантом. К сожалению, из-за сентиментальности Итиро-сан план сорвался. Но теперь за дело берусь я. Офис «Касио» в Москау закрывается. Я сам выйду на след Локтева.

Ямамура Онода, майор генерального штаба Ниппон ко-ку».

Глава 2

Рай

(гостиница «Гели Раубаль», проспект Расы Господ)

Первое, что выплывает из мрака воспоминаний, – подвал. В *раю* туда отправляли провинившихся, в качестве наказания. Стерильное помещение, никаких крыс или тараканов, но всё равно – очень страшно. Часами сидишь в крошечной тьме, и волей-неволей возникает смутное чувство: тут наверняка КТО-ТО есть. Ты хочешь протянуть руку и потрогать ЭТО САМОЕ, но боишься, ОНО же отгрызёт тебе пальцы. Ему тоже пришлось посидеть в подвале – один раз три часа, другой – пять. Во время «тихого часа» дети постарше рассказывали страшилки: некоего мальчика забыли в подвале

на пару ночей, он ослеп и сошёл с ума. Такого не забудешь – как с болью, мучительно привыкали к дневному свету глаза, когда райские служители отпирали подвальную дверь с чёрным треугольником и двумя молниями. Эмблема *рая*. Медсёстры-воспитательницы носили такие же на отворотах халатов, сверкавших белизной. Стерильные девушки, словно одинаковые клоны из инкубатора. Они напоминали коровниц на ферме, и, вероятно, это самое точное сравнение – детей здесь выращивали, как племенной скот. Шеренги послушных мальчиков и девочек – рыжих, светленьких, блондинчиков, с соломенными волосами, одетых в коричневые штанишки, рубашки и платица с неизменным треугольником на рукаве. Ни одной улыбки, не слышно смеха: только чёткие приказы воспитателей. Им говорили – это не плен, не лишение свободы. Сюда попадают избранные, лучшие из лучших. Их не похитили, а оказали великую честь, поместив в *рай*. Уже покинув *райские кущи*, он встречал офисы с треугольником на двери во всех городах Европы. Самый крупный, с бассейном и яблоневым садом, в центре Москва, в двух шагах от станции метро «Великая Германия». Спеша по делам, он часто проходил мимо, с любопытством заглядывал в окна, но не решался зайти. К чему? Там вряд ли что-то изменилось. Наверняка по коридорам шагают всё те же медсёстры и похожие друг на друга дети, хранит бдительность охрана в чёрной форме, – *рай* находился под патронажем СС. Правда, сейчас другие правила. Без согласия семьи ребёнка

в *рай* не забирают, да и сами родители должны представить анализы крови и справку из расового отдела о чисто арийском происхождении. Кем были его отец и мать? Он редко думал на эту тему. Тест ДНК в лаборатории гестапо десять лет назад подтвердил: в его венах течёт славянская кровь. Русландцы либо словаки, а может быть, чехи или болгары. Он не знал своего настоящего имени – обитателям *рая* сразу по прибытии его меняли вместе с фамилией.

Потом он сменил много имён. Примерно сотню.

Рай душил правильностью, забивался в рот, как вата, слепил стерильностью крашенных стен. Строго калорийное питание, классическая музыка, конкурсы «Нарисуй фюрера», уроки «арийского воспитания» – человек с чистой кровью с пелёнок обязан знать про своё отличие от унтерменшей. Учёба занимала восемь часов в день. Главная задача *рая* – внедрение в голову нужных мыслей. Медсестра Берта Людинксгаузен, сухопарая уроженка Гессена (о, как они мучились, выговаривая её фамилию), водила их гулять по улицам Москау, где всюду гремели стройки – ныне покойный обер-комендант сотнями изничтожал старые здания и воздвигал новые «в соответствии с тевтонским духом». Занятия физкультурой проходили в спортивном центре «Триумф» – его отгрохали на месте снесённой в 1945 году усадьбы Коломенское. Берта, у которой были ответы на все вопросы, лающим голосом объяснила, что усадьбу сочли «аляповатой гнусностью славянской архитектуры». Водя детей гуськом

по набережной реки Москва, медсестра не забывала, тыкая пальцем, указать – в 1931 году большевики разрушили бело-снежный храм Спасителя и начали возводить другую «аляповатую гнусность», Дворец Советов. Правда, Берта не сообщала, что в начале войны по приказу руководства рейха взорвали Успенский собор в Киеве и Софийский собор в Новгороде. Это сейчас Великогермания и Руссланд – братья навек, а тогда славянам не собирались оставлять детали их истории.

Стук в дверь. Сначала слабый, затем сильнее.

... – Паша, т-твою м-мать! От-ткрой м-не! Уснул ты ттам, чт-то ли?

Павел вскочил. Стул опрокинулся, на ковёр мягко, боком упала чашка с недопитым чаем. Точно... Задремал, и ему опять приснился *рай*. Сколько лет прошло, не выбросишь из головы: он почти каждую ночь возвращается туда, бродит по коридорам, посреди белых стен и одинаковых бледных лиц. Накинув гостиничный халат, Павел подошёл к двери и повернул ключ в замке. На пороге, мрачнее тучи, замер оберштурмфюрер Карасик. Щёки и лоб здоровяка-учёного были залеплены пластырями. Врачи насчитали на его лице двенадцать порезов от разлетевшегося при взрыве стекла, на долю Павла досталось не меньше. Да, есть в жизни такая простая вещь, как фраза «дуракам везёт». Приведи *токкотай* бомбу в действие чуть позже, их соскребали бы с асфальта.

– З-завид-дую, – сказал Жан-Пьер, глядя на Павла. – Б-быстро т-ты вос-ст-тановился.

Тот цинично усмехнулся – на его гладкой коже не было ни царапины.

– Тебе виски или джин? Не стесняйся, из Гонконга привёз японский.

– Д-давай в-вискаря. Д-давно не пил с-сливов-вого. Охо-оота весь д-день б-бухать.

Он выпил стакан залпом, безбожно клацая по стеклу зубами.

– Садись, – предложил Павел, запахиваясь в халат. – Пожрать закажем?

– Kein problem³², – согласился Жан-Пьер. – Если честно, живот с голодухи светло.

Позвонив в ресторан, Павел, не интересуясь меню, заказал айсбайн. Баварская кухня работала в каждом арпите, «заведении арийского питания», а блюда из свинины по закону подавались круглосуточно, даже в Великогерманске – бывшем Урюпинске.

– Старуху нашли? – без надежды спросил он, положив трубку.

– Издеваешься? – буркнул Жан-Пьер. – Следователи вскрыли полы, простукали стены на съёмной квартире твоего японца – ни единого следа, хоть шаром покати. Тут две версии. Либо бабка смылась – либо, жри меня ведьмы в Же-

³² Без проблем (нем.).

лезном Лесу, некие умники забрали её раньше нас. На Сё-гунэ с полчаса назад залили видео: японский дедушка на ломаном руссландском берёт на себя ответственность за теракт и славит отряды «лесных братьев».

Павел подошёл к окну, заложил руки за спину и похрустел пальцами.

– Никакой он не большевик, здесь обычная подстава, – сказал он. – Сволочь буду – это японская разведка. Они бы давно сервировали мной яму в земле, а в качестве соуса к основному блюду залили сверху бетон, если бы не одна моя особенность. Я много раз выполнял на территории Ниппон коку заказы гестапо, взять хотя бы прошлый год. Помнишь? В Маниле, в небоскрёбе «Солнце», пришлось зарезать курьера генштаба Японии и забрать его портфель. Вот только... как они меня вычислили? Описания моей внешности у них нет. По сообщению на *эфунк*? Они знали – я точно буду на борту «юнкера», и приняли меры. Таких, как я, не в плен берут, а душат на месте.

– Надеюсь, в моменты удушения я больше не окажусь рядом, – приложился к виски Жан-Пьер. – Твои раны заживают за пару часов, а мне швы накладывали. Едва очухался, поехал брат ДНК из квартиры японца и, как порция желе, трясся в поганом метро – выхода нет, пробки бесят. Вот с детства ненавижу нашу подземку. Пять линий всего, но жуткая толкотня, душные вагончики, кондиционеров нет. В рейхе систему общественного транспорта, мне кажется,

полностью из концлагерей импортировали.

Павел рассеянно слушал его, рассматривая жёлтую крышу японского автобуса – внизу, у подъезда гостиницы. Такие катаются по всей Москвау, рекламируя магические услуги «Общества Туле». Популярность чёрной магии в рейхе была неоспорима – наравне с культом Одина и Тора. Маги практиковали колдовство по лицензии Триумvirата. В сороковые годы, будучи в зените популярности, «Туле» прославилось теорией, что арийцы явились на Землю со звезды Альдебаран. Общество пыталось наладить воскрешение солдат, завозило из Тибета лам, обучалось чтению мыслей. Со временем структура, где работали лучшие мистики и провидцы рейха, превратилась в обычный аттракцион гадалок. Сейчас в «Туле» ходили в основном наивные незамужние девушки – узнать судьбу, а заодно прикупить магический амулет против партизан.

– А что ты хочешь? – зевнул Павел. – Построено только пять линий: четыре в виде свастики, и одна – кольцо, замыкающееся вокруг. Идеологически славно, а в реале – народ ездит, спрессованный, как селёдки, и клянёт «метрошку», на чём только рейх стоит.

Он вернулся к столу, взял папку для бумаг с печатью «Совершенно секретно».

– Ольга Селина находилась у жреца целых два месяца, – задумчиво произнёс Павел, шурша страницами. – Но была не рабыней, скорее привилегированной пленницей. Она обе-

дала с ним, получала заботу и лечение, хотя не могла покинуть дом. На жертвенном камне следы крови, если верить анализу (*шелест бумаги*) – это ДНК жреца. Она *заразила* его, как *заражает* всё вокруг, инфекция перешла и на храм Одина. Ты уже посмотрел, что происходит: пришлось закрыть ворота, выставить оцепление. И я не могу понять одну вещь... Ваши люди сошли с ума, столкнувшись с *раздражителем*, жрец же невредим. Возможно, ритуал кровопускания помогает избежать их участи. Встреча произошла случайно, но отныне Селина сама не отпускает его, ОН ЕЙ НУЖЕН ДОЗАРЕЗУ. Не знаю, зачем. Вот это меня и пугает. Они неразрывно связаны.

Снаружи послышался звон тарелок – охрана проверяла содержимое заказа.

– У нас меньше времени, чем ты думаешь, – вздохнул Жан-Пьер. – Мы не сможем долго ЭТО скрывать. Спецназовцы в храме видели последствия *заражения*. Вскорости по Москау поползут такие слухи, что «Фёлькишер беобахтер», с их сенсациями, обзавидуется.

Седой официант в форме гауптмана кулинарной службы (петлицы с серебряными поварёшками, белая фуражка) вкатил в номер столик, уставленный блюдами. Вежливо улыбаясь, разложил гарнир, подвинул соусницы с горчицей. У Жан-Пьера зазвонил *эфунк*. Извинившись, учёный вышел в коридор, но вскоре вернулся:

– Сразу две новости. Первая – отличная: обоих засекали!

Полный идиотизм – они воспользовались карточкой, взяли в аренду «бух». Позже эти двое сняли кучу денег в гелдаватомате и заблокировали счёт. Вторая – плохая. Они в Урадзиосутоку, а гестапо может работать там только с разрешения полиции Ниппон коку. Тор великий, как они туда попали?! Сегодня оба были в Москау, а до Урадзиосутоку семь часов лёту.

Павел снял крышку с блюда. Комнату заполнил восхитительный запах *айсбайна*.

– Они вообще-то никуда не летели, – облизнул он губы. – Они *переместились*.

Глава 3

Невидимые

(*риокан «Ласточка», Урадзиосутоку*)

Деревянный пол, отполированный до блеска. Двери с бумажными заслонками – тонконогие журавли танцуют на фоне зарослей бамбука. Такие заслонки не открываются, а раздвигаются руками, как створки шкафа-купе. Тоненькие циновки-татами. Чай испускает пар на подносе, блюдец с неизменным соевым соусом, рис в фарфоровых чашечках. Мы нашли убежище в одном из риоканов – японских отелейчиков, построенных в стиле деревенского дома. Таких сейчас сотни по всему Урадзиосутоку, и их возможности активно используют тайные любовники. Удобно. Кассир те-

бя не разглядит, стекло окошка на уровне лица затуманено, видны только руки, чтобы принимать наличные. Не спросят ни имени, ни фамилии. Никаких документов, плати и иди в постель... И это нам вполне подходит.

Уже стемнело. В окно видно, как горят фонари с иероглифами на полуострове Микадо.

Она сидит на татами, скрестив ноги. Ест палочками рис.

– Это было очень глупо – использовать кредитку, арендуя «бух», – скучно говорю я.

– Согласна. – Она поправляет волосы. – Теперь гестапо знает, в каком мы городе... Правда, им нужно сюда долететь, а это потребует времени. По крайней мере, проведём ночь здесь, восстановим силы. Нам следует решить – куда двигаться и что делать дальше.

Интересный вопрос. В Москау у меня были работа, положение в обществе, звание в СС, казённый автомобиль (пусть и без водителя) и премии в праздники – Торраблут и Дистинг³³. В общем, достаточно престижно. Сейчас я беглец и преступник, сижу на полу в крохотном клоповнике, и мои данные наверняка внесли в базу розыска Вельтгестапо. Помощь *шварцкопфам* – это серьёзное преступление. В лучшем случае, высылка в Африку, в худшем – концлагерь на Шпицбергене, где погибают в две недели.

³³ Торраблут – праздник викингов в честь бога Тора. Дистинг – вроде нашей Масленицы. Означал пробуждение сил после долгой Зимней Ночи. Оба праздника и сейчас довольно популярны в Исландии.

– Дальше? – усмехаюсь я. – Нам теперь всю оставшуюся жизнь скрываться либо в лесу, либо в подвале. Нейтральных стран нет, даже Швейцария – союзное рейху государство, столица из Берна перенесена в немецкий кантон Цюрих. Вы сможете найти убежище на территории Урала, подконтрольной отрядам *шварцкопфов*. А мне, пожалуй, проще купить японский паспорт, взять японское имя и остаться здесь. *Шварцкопфы* убивают всех жрецов Одина, так велит Лесная Церковь. Триумвират, конечно, будет меня искать, но...

Девушка презрительно щёлкает палочками для еды.

– Триумвират?! – О, она всегда очень громко произносит название. – Мы живём в стране теней. Глава государства – шизофреник, умерший семьдесят лет назад. Его волю осуществляют три человека, которых никто и никогда не видел в лицо. Вам не кажется это смешным? Полная скрытность и таинство власти. Население не знает имён тех, кто им управляет. Мы слышим выступления по радио, читаем статьи в газетах, но не имеем понятия о внешности членов Триумвирата. Правители-призраки, поглощённые тьмой.

Опять двадцать пять. Вечернее переливание из пустого в порожнее. Да кто спорит – власть в Москау анонимна. В 1942 году, после гибели фюрера на мавзолее, высшим чиновникам рейха запретили публичные выступления. Они перестали появляться на съездах НСДАП, ездить в рейхстаг и собираться в пивных. Но это не помогло. *Шварцкопфы* открыли настоящую охоту на всех мало-мальски значимых ли-

деров национал-социализма. В разное время от рук партизан пали рейхскомиссар Украины Эрих Кох, министр финансов Функ, начальник лагерей Эйхман. С годами беспредела на улицах городов империи стало меньше, а *шварцкопфы* переместились в леса, но власть уже сделала для себя вывод – она всегда будет мишенью. После завершения Двадцатилетней Войны рейхскомиссариаты, кроме Туркестана, перешли на специальную систему управления из трёх лидеров. Триумvirат. Теперь партизаны не знали, кто конкретно стоит во главе комиссариата, и не могли организовать покушение. Вожди не ездили на машинах, не летали на самолётах, не появлялись на ТВ. Исключительно радиообращения, да и те зачитывались дикторами с одинаковым металлическим голосом. Лидеры Триумvirата неуязвимы, но самое главное достижение такой системы – их можно было заменить в любой момент, без малейшего шума. В Москау ходили слухи, что политиков-привидений бесцеремонно тасуют, как колоду. Кто-то держался в руководстве рейха месяц, кто-то год. Это не имело значения. Империей управляли мёртвый фюрер и призраки, чьи силуэты расплывались в тумане.

Зато никто из них не беспокоился за свою жизнь.

Но неужели я позволю ей праздновать победу в споре? О, да ничего подобного.

– Простите, я не настроен на умную политическую беседу, – сообщаю с ядовитой вежливостью. – Тем паче, фролайн, вы так и не ответили на главный мой вопрос.

Она вздыхает. Наклоняется, ставит на пол чашечку. Я вижу её грудь. Под кимоно ничего нет: спать обязательно ляжет голая. Жаль, вместе с «бухом» я заодно не взял в аренду наручники.

– Вы мне не верите? Я клянусь, вы потеряли сознание, отключились на секунду. Не сомневаюсь, что вы видели в этот момент Урадзиосутоку, проваливающийся под землю, и меня в образе зомби. Галлюцинации при *перемещениях* – это обычное явление.

Ого, я заставил её оправдываться. Боги гордились бы мной. Но надо ковать железо, пока горячо, – голова страшно болит, я могу утратить контроль над ситуацией.

– То есть, по-вашему, я должен с редким спокойствием отнестись к факту: стоило мне найти вас в луже крови на полу храма, как моя жизнь круто переменялась? Ну да, что тут странного! Ерунда. Вы живёте у меня дома, и каждую ночь мне грезятся картины Рагнарёка – обглоданные трупы лошадей, погибающие люди, замёрзшие города, состоящие из руин. Разве может удивить, что вокруг меня вдруг стали исчезать предметы, а каменные стены обратились в песочные холмы? Вполне привычное дело. За пару мгновений мы переносимся на десять тысяч километров от моей квартиры, потом я сижу в кафе и вижу, как разверзается земля, поглощая Урадзиосутоку. Я не то чтобы против, но мне, простите, в диковинку. Однако я сейчас мило болтаю, не пытаюсь задушить вас голыми руками, ибо отдаю отчёт – такое бывает.

Я в одночасье сошел с ума.

Она склоняется ко мне. От губ неромантично пахнет рисом. Или это я такой циник?

– Обещаю, я расскажу вам всё-всё про себя. Едва мы окажемся в безопасном месте. Но я и сама толком не знаю, почему со мной происходят определённые вещи. Могу только догадываться. Я постараюсь объяснить... и покажу, почему так. Но не здесь.

– А где? – задаю я резонный вопрос и прикусываю язык.

Ответ в рифму услышать неохота, ведь *шварцкопфы* матерятся как сапожники. Впрочем, мой интеллектуальный стиль изредка сдерживает её первобытные замашки.

– Есть одно место, к северу от Москвау... я приведу вас туда. Скоро, обещаю. Надо же, как изменилась обстановка, правда? Ещё сутки назад я была вашей пленницей. А теперь свободна, но... сама не хочу уходить. И уже непонятно, кто из нас у кого в плену...

Так, мне пора снова перехватывать инициативу. Иначе опоздаю.

– Меня крайне заинтересовала личность в сером – неприметный парень, командующий обыском в храме, – говорю я с некоторой ленцой. – Я сделал камерой снимок и прогнал через службу поиска изображений в Сёгунэ. Фактура нашлась быстро. Забавно, но человек с такой внешностью, по имени Вальтер Шумейко, погиб во время боёв между СС и вермахтом в Киеве в 1986 году. К счастью, мы не в Бер-

лине, и благодаря безалаберности Руссланда мне забыли отключить доступ в электронную базу СС. Там меня ждал сюрприз. Личный номер Шумейко остался в действии, но принадлежит совсем другому человеку.

Даже в полутьме я вижу, как сильно она побледнела.

– И что это значит? Он живой мертвец, вроде тибетских проектов «Аненербе»?

О, не будь ситуация столь драматична, я бы откровенно расхохотался.

– «Аненербе» – это попса, сказочка из мистических фильмов *Universum*. Они и в сороковые-то не были крутым исследовательским институтом, а сейчас и подавно. Организация поддерживает вокруг себя дутый гешальт³⁴ мрачной загадки, финансирует серию книг о своей деятельности вроде детективов о профессорской дочке Марте. Существует другая, вполне реальная контора: именно она присваивала своим выпускникам имена давно умерших людей и выдавала каждому личный номер СС. Полагаю, вы слышали о давнем проекте рейхсфюрера Гимmlера – «Лебенсборн»?

Она недоуменно хлопает ресницами. Переживаю секунду триумфа.

– Общество по усыновлению? Да, после войны было много беспризорников.

– Э-э-э... не совсем так. Первоочередная задача «Лебенсборна» – создание инкубатора идеальной арийской расы.

³⁴ Имидж (нем.).

С тысяча девятьсот тридцать пятого года они выпустили сотни тысяч детей. Родители воспитанника обязаны быть нордического типа, здоровыми и не иметь судимости. Изначально в их приюты обращались норвежки, нагулявшие «левых» киндеров от солдат вермахта. Но этого было маловато, слабый размах... Начальнику «Лебенсборна», штандартенфюреру Макс Золльману, показался интересным опыт корпуса янычар. В Средние века турки формировали отряды головорезов в Сербии и Болгарии так: младенцев силой отнимали у родителей-христиан и воспитывали кровожадными исламскими фанатиками. Золльман восхитился и решил – отличная идея. Сотрудники «Лебенсборна» отслеживали детей эталонной арийской внешности в Руссланде, на Украине, в Польше, возрастом от года до двух лет, затем похищали и везли в приют³⁵. Там младенцам чаще всего давали новое имя, учили немецкому языку, а впоследствии без обвиняков объясняли – они попали в рай. «Лебенсборн» конструировал человека новой эпохи. Арийца, преданного идеям фюрера, обученного ведущим наукам, мастера боевых искусств. Интеллектуально-боевую бомбу. Многие обитатели «рая» потом сделали отличную карьеру, их для этого и готовили. Я совершенно не удивлён, что нашими поисками ру-

³⁵ Lebernsborn (*нем.*) – «Источник жизни». 38 пунктов «Лебенсборна» в Европе под эгидой рейхсфюрера СС Гиммлера занимались воспитанием «идеальных арийцев». Только в норвежских приютах содержалось 12 000 детей. В Польше младенцев намеренно отбирали у родителей с целью «онемечивания». На Нюрнбергском процессе глава «Лебенсборна» М. Золльман был оправдан.

ководит выпускник «Лебенсборна».

Она молчит. Я ощущаю её дыхание. *Шварцкопфы* уверены, будто им известно ВСЁ про закулисную жизнь рейхскомиссариата... Но им неведома и капля того, что знаю я.

– Откуда вам это знакомо? – Это даже не вопрос, а стон из глубины души.

– Всё очень просто, – усмехаюсь я. – Я тоже воспитывался в «Лебенсборне»...

...На улице окончательно потемнело, в комнате риокана воцарился мрак. Я слышу, как у крыльца трещат сверчки – специально привезённые с острова Окинава. Вдалеке воеет сирена «скорой помощи»: кто-то опять съел не ту часть рыбы фугу, и к нему едет машина с изображением солнца на борту. Девушка поражена. Она ещё не слышала всей правды... Да и не нужно. Я откроюсь ей лишь в тот день, когда она сама откроется мне. Я этого жду.

Видение № 2. День чудовищ

...На этот раз мне совсем не холодно. Наоборот. Жара – удушающая, ощущаю себя цыплёнком в духовке, солнце раскалило воздух едва ли не докрасна. Вытираю пот. Кажется, это деревня. Небольшие домики, но всё будто бы в тёмном тумане... С удивлением смотрю вверх – мне на голову падают хлопья снега. В такую-то жару! Я медленно иду, держась за колья деревянной изгороди. Слышится лай собак. Кто-то

отдаёт приказы – глухим, утробным, ревушим голосом. Ловлю рукой крупную снежинку, растираю её... Поперёк ладони ложится грязная светло-серая полоса.

О, теперь понятно, почему летом – снежная буря.

Это не снег, а пепел. Деревня горит. Треск огня, пламя выбивается из окон домов, разворачивается над крышами красным цветком. Моё лицо в момент становится чёрным. Пот пробивает дорожки на коже, размывая копоть. Пылают не только бревенчатые постройки – горят и деревья, и лавочки у крыльца, и детские качели.

Безумная огненная буря.

Воздух смешался с дымом – почти ничего не видно. День, но сумрачно, как вечером.

Прямо на меня бежит женщина, слепо выставив перед собой руки. Молодая, волосы растрёпаны. Очередь из автомата. Бегущая падает лицом вниз... льняные пряди мокнут в грязи, на спине – три красных пятна, быстро сливающихся в одно.

Я отшатываюсь и спотыкаюсь о другой труп. Это старик, его глаза открыты, заполнены кровью. Ещё одно тело у берёзы: девушка сидит, безвольно свесив голову.

Из дыма постепенно выплывает чудовище.

У него странное рыло – свиное, с плоским губчатым носом и огромными круглыми очами. Большой горб на спине, а чёрные передние лапы – с большими пальцами. Придерживая лапами хоботок, монстр направляет его в окно бли-

жайшего дома – ополаскивая стены струёй жидкого огня. Уши терзают душераздирающие вопли.

– Всё нормально? Дьявольски трудная работка.

Рядом с ним появляется второй монстр – с таким же страшным лицом.

– Так точно, господин полковник! Я запарился в противогазе.

– Да уж, это не карнавальная маска. Сейчас бы кружечку пива, правда? Но, увы, – сначала надо закончить с деревней. У нас приказ – все должны быть уничтожены.

Они идут дальше – один с огнемётом, другой – со шмайссером наперевес. Не они одни – целый взвод солдат в серо-зелёной форме, с чёрными петлицами, где поблёскивают руны. Их лица закрыты противогазами, в круглых стёклах отражается пламя. Громкоговорители на машинах дружно выплёскивают бравурный марш:

Es geht um Deutschlands Gloria,
Gloria, Gloria,
Sieg Heil! Sieg Heil! Viktoria!
Sieg Heil! Viktoria!

Стучат выстрелы винтовок – непрерывно. Убивают всё живое. Не только людей – солдаты палят в дворовых собак и кошек. Сапоги по колено забрызганы кровью. Армия безликих убийц, делающих своё дело с равнодушием мясников. От смерти не спрячешься – огнемётами выжигают по-

гребя и чердаки, струи пламени лижут крыши. Справа и слева от меня вповалку лежат убитые. Их много – десятки, а может, и сотни. Запомнился труп старухи в цветастом платке – она заслонилась рукой, словно защищаясь от пуль. На окoliце стучит пулемёт. Горящие люди выпрыгивают из окон и валяются на землю – крича от боли, корчась в конвульсиях. Пулемётчик без противогаза (молоденький, рукава засучены, на пилотке – серебряный орёл) снимает руку с гашетки. Оборачивается к напарнику:

– Полюбуйся, как они танцуют!

Оба хохочут. Ещё пара очередей – и всё кончено... Стоны утихли.

Главное чудовище стоит на холме: любит горящей деревней в клубях дыма. На земле полотенце-рушник со следами крови. Он тщательно вытирал сапог. Второе чудовище подходит к нему, щёлкает каблуками, вытягивается по струнке.

– Господин полковник, задание выполнено. Мои люди прошлись по второму разу, проверили на всякий случай. Живых не осталось. Детей мы согнали в последний уцелевший дом у околицы. Прикажете готовить грузовик для вывоза в город?

Монстр смотрит на собеседника и снимает противогаз – его стёкла мутны.

– Нет. Зачем? Решайте вопрос на месте.

– Но... господин полковник... это же дети...

– Лейтенант, у вас приказ. Вы его слышали? Выполняйте!

Второе чудовище спускается с холма. Оно бредёт через шеренгу домов-факелов, к околице, откуда слышится детский плач. Делает знак солдатам. Те окружают хату, достают гранаты. Стоят у окон, ждут сигнала. Как удобно, когда ты в противогазе. Можешь хотя бы скрыть свои эмоции. А есть ли они у них на самом деле?

Они просто роботы... машины для убийства.

– Приготовиться... – глухо говорит чудовище и поднимает руку.

Он сошёл с ума. Что он делает? Почему солдаты не остановят его?!

Рука резко опускается. В окна дома, выбивая стёкла, летят гранаты.

ПЛАЧА БОЛЬШЕ НЕ СЛЫШНО. СТАНОВИТСЯ УДИВИТЕЛЬНО ТИХО.

Глава 4

Вечный лёд

(Лхаса, рейхскомиссариат Шамбала)

...Судорожно дергая пальцами, Павел растёгивает воротничок рубашки, – на шее остается багровый отпечаток. Воздуха, дайте воздуха! – дышать полной грудью невозможно. Сердце колотится так бешено, словно собирается взять золотую медаль по бегу на Олимпийских играх. «Какие иг-

ры? – мысленно усмехается Павел. – Негр Джесси Оуэнс в тридцать шестом году выиграл в Берлине аж четыре золотые медали, и на другие соревнования унтерменшей больше не допускали. С тех пор золото на каждой Олимпиаде честно делится поровну между РейхСоюзом и Ниппон коку... Серебро – кому достанется. Никакой интриги». Он резко останавливается – закружилась голова. Раз, два, три. Осталось пересечь дорогу, но нельзя ходить быстрым шагом. Почти четыре тысячи километров над уровнем моря, жуткое кислородное голодание. Чуть что, надо пить пилюли, иначе разовьётся горная болезнь – лёгкие переполнит кровь, и сдохнешь за несколько дней.

Посреди проспекта памятник, два золотых яка. С обеих сторон монумента развеваются флаги. Один – РейхСоюза, красный с орлом. Другой – с изображением снежного льва.

Огромный буро-белый дворец Потала словно врублен в горную скалу. Древнее пристанище далай-лам, с тысячей комнат – каждый далай-лама должен жить в новом помещении. Приплюснутые домики старого района, с золотыми крышами, из крашенных кирпичей. Горловое пение монахов в оранжевых одеждах. Дым сандаловых палочек над жертвенниками. И повсюду толпы паломников, от которых нет спасения.

Лхаса – как Трондхейм в Норвегии.

Но если Норвегия – это священное место, колыбель религии викингов, то Тибет – родина арийской расы. Сюда, в сте-

ны древних монастырей, вроде Ташилумпо, посылают учиться только лучших из лучших – отличников «Лебенсборна». На заре истории, от горы Кайлас со знаком свастики, в Европу дошагали племена ариев – прекрасных белокожих воинов со светлыми волосами и голубыми глазами. Раса господ, отправленная богами на управление Землёй. Кайлас теперь на себя не похож, ископан сверху донизу, в дырках почище голландского сыра – и «Аненербе», и «Общество Туле» присылали в Тибет своих исследователей. Вход на раскопки платный – двести рейхсмарок. Землекопы «Аненербе» вообще углубились внутрь Кайласа на шесть километров: ребята искали доказательства теории «вечного льда» профессора Ганса Гёрбигера. Гёрбигер провозгласил: изначально небосклон украшали четыре Луны, три из них потом свалились на Землю как раз в районе Кайласа... Из лунных осколков и зародилась жизнь. Едва у археологов кончались деньги, руководитель экспедиции Шефер слал телеграмму в Берлин: «Нашли пробы лунного грунта как никогда близки к открытию», – и на его счёт сыпались рейхсмарки. После многолетних тщетных поисков Шефер ушёл в монастырь, став простым ламаистским монахом. Надеялся впасть в нирвану и увидеть путь в волшебную страну Шамбалу. «Общество Туле» вело отдельные раскопки, они искали подземное государство Агартха: круглый остров в океане из сладчайшего нектара, полный порхающих жар-птиц. Финансирование шло не только от Фонда Гиммлера, но и концернов вро-

де Круппа и Хейнкеля, – Агартха куда важнее, чем какой-то лёд. По легенде, в центре острова изливался «фонтан молодости», чья вода дарует вечную жизнь...

Разумеется, фонтан тоже не нашли. «Туле» лишь делало вид, будто верит в легенды, – как и в «Аненербе», там работали прожжённые циники, знающие, как осваивать бюджет.

...У входа в Поталу застыл броневик «Пантера» с эмблемой местного легиона СС «Будда Шакьямуни». Рядом сучали двое тибетцев в чёрной форме с оранжевыми шевронами на рукавах. Не дожидаясь вопроса, Павел протянул пластиковое удостоверение: без фото, но с номером. Смуглолицый обер-ефрейтор сунул карточку в считывающее устройство. Раздался жалобный, почти истерический писк, компьютер мигнул зелёным.

– Рады видеть, герр штурмбаннфюрер! – вытянулся эсэсовец.

Павел небрежно приложил два пальца к фетровой шляпе, он не любил приветствия в стиле «хайлюшек». Забрал карточку, не глядя сунул в серый бумажник из искусственной кожи. Все гости, въезжавшие в рейхскомиссариат Шамбала, подвергались тщательному обыску: им было запрещено иметь при себе любые изделия из мяса, кожи, костей животных или птиц. Таковы уж местные особенности. В 1937 году экспедиции «Аненербе» разрешили работать на условиях, что они не раздавят ни единого таракана, не прихлопнут ни одного комара. Ничего не поделаешь, тибетцы верят в пе-

реселение душ.

– Идите прямо, а потом вверх, и сразу налево. Прикажете вас проводить?

– Нет, спасибо. Все, что мне нужно, я найду сам.

Взобравшись на третий этаж, он протиснулся в узкий коридор: царство крохотных комнатушек с запахом пыли, затхлости и мышинной мочи. Павел улыбнулся – отвык, и дыхание легко не восстанавливается. А ведь в своё время он быстро смирился в Тибете с вечным недостатком кислорода, отвратительно горькой едой и скудостью обстановки. Сидящие в кельях монахи в оранжевых одеяниях вежливо кланялись ему. На стенах висели портреты: слабое пламя свечей из жира яков не позволяло рассмотреть лицо человека со шрамом на щеке, сложившего руки «домиком» в старом тибетском приветствии.

«Океан мудрости», великий далай-лама XV, Нгаванг Таши.

В 1944 году абвер провел в Лхасе блестящую операцию «Новый Будда». Прежний далай-лама, девятилетний мальчик Тенцзин, получил укол цианистого калия, а вместилищем его души был объявлен глава спецназа СС, гауптштурмфюрер Отто Скорцени. Тогда рейх возлагал большие надежды на Тибет – и «Аненербе», и «Туле» определяли эту страну как место рождения нового великого культа. Правители планировали постепенно уничтожать любые изображения фюрера – включая фото, рисунки и статуи. А, скажем,

через триста лет, когда память о его внешности полностью сотрётся, объявить вождя голубоглазым гигантом-блондином, рождённым глыбой льда в Шамбале, богом и прародителем арийской расы. Скорцени весьма быстро привык к роли инкарнации Бодхисаттвы Сострадания – даже быстрее, чем этого могли ожидать в Берлине. Он вполне вжился в роль и первым делом запретил раскопки вне Кайласа, поскольку эти действия «угрожают жизни дождевых червей». Следом далай-лама Пятнадцатый объявил духовную родственность свастики и Бесконечного Узла *дпалбею* – символа тибетского буддизма, означающего Пять видов изначальной Мудрости. Скорцени все чаще уединялся в пещере для медитаций, проводил там месяцы и даже годы. Он настолько увлёкся ламаизмом, что забыл о своём предназначении. Особую популярность снискали лекции бывшего гауптштурмфюрера в университетах Нойе-Йорка – «Как обрести счастье разума и совместить его с национал-социализмом»: студентки впадали в нирвану во время речей харизматичного далай-ламы (по совместительству – рейхскомиссара Шамбалы). Впрочем, всё это далеко в прошлом. Дряхлый Нгаванг Таши (на днях ему исполнилось сто четыре года) уже давно не управлял Тибетом, пребывая в астрале: жизнь в его истощённом теле поддерживалась лишь с помощью горных трав. Духовные и светские полномочия перешли к Оракулу. Человеку, даже более могущественному, чем сам рейхскомиссар. В его покои Павел сейчас и направлялся.

Оракул определял распорядок дня далай-ламы, предсказывая любые вещи – в том числе и то, что «богу-кайзеру» положено съесть на обед. После болезни Скорцени он взял власть в свои руки – и в прямом, и в переносном смысле. Например, Оракул часто наклонял голову далай-ламы в те моменты, когда тому требовалось кивнуть в знак согласия. «Сложно быть ясновидящим, – думал Павел, улыбаясь на ходу монахам. – Кто-нибудь хоть раз задумался, каково им приходится? Не жизнь, а натуральный ад. Жена вечером приходит с работы, а ты устраиваешь ей скандал, потому что знаешь: ровно через год, семь месяцев и четыре дня, на празднике в честь дня рождения фюрера, она зайдёт в туалет и изменит тебе с курьером отдела доставки. Ты всегда в курсе, чем закончится футбольный матч. Тебе не нужно смотреть прогноз погоды. И вот почему он ещё не сошёл с ума?»

Покои регента охраняли уже немцы, особое подразделение СД, тоже в монашеских тогах, но с оружием. Тут удостоверение сотрудника гестапо было недостаточно, Павла пригласили в отдельную комнатку для личного досмотра, затем приказали накинуть тогу. Он порадовался, что не надо сдавать анализ крови. Каждый начальник в Третьей империи боялся покушений, даже в Тибете, где убийство живого существа – страшнейший грех.

Кованые двери покоев Оракула растворились.

Сняв обувь, он прошёл дальше, ступая по циновкам. Ора-

кул сидел к нему спиной – и, казалось, был погружён в медитацию. Он *почувствовал* – его глаза открылись.

– Я знал, что ты сегодня придёшь... – это был даже не голос, а шелест ветра.

«О, кто бы сомневался? – безмолвно пошутил Павел. – На то ты и предсказатель!»

Он присел на циновку – покорно, по-тибетски, подогнув колени.

– Лансанг, мне нужна твоя помощь... Прости, мысли путаются. Летел из Москвау с пересадкой в Дели, а ты знаешь, как я ненавижу самолёты. У меня большие проблемы.

– Неразрешимых проблем не имеется, – мягко ответил Оракул, не оборачиваясь. – Разве не это ты ожидал услышать? Признаться, я поражён. Я ведь всему научил тебя – ещё там, в Ташилумпо. Как понимать, как освободить разум, как чувствовать. И я был уверен, что мне не придётся сомневаться в твоих способностях. Что же изменилось с тех пор?

Павел вздохнул. Каждого ученика «Лебенсборна» учили – он должен быть лучшим. Нельзя допускать любых, самых мелких ошибок. Однажды ему пришлось увидеть, как выпускник «Лебенсборна», не сдав экзамен, вышел и застрелился в туалете университета.

– Я сам не понимаю, – произнёс он, разглядывая мандалу³⁶ на стене. – Мне сейчас очень важно чувствовать двух людей, но... почему-то не получается. Я не улавливаю *волну*...

³⁶ Картина, символ сферы обитания божеств в буддизме.

Ни электричества, ни ауры – НИЧЕГО. Особенно с женщиной. Я даже не могу понять – существует ли она? Нечто размытое, вроде облака, которое нельзя потрогать рукой, сжать. И... у меня довольно неприятные мысли. Кем она может быть, если я не ощущаю её даже при медитации? Вот с мужчиной иначе... я способен настроиться на его *волну*, как радио... но когда она рядом, то поглощает всю его энергию.

Оракул пружинисто поднялся с циновки. Повернулся, вразвалочку подошёл к Павлу. Старый лама, всегда умеющий понять, заглянуть в чужую душу – даже если она находится в тысячах километров от Лхасы, в непроходимом лесу на другом континенте. Крохотная комнатуха с трудом вмещала все его знания. В японских фильмах седобородые учителя обожают драться на мечах, да и просто ломают противнику кости голыми руками. Лансангу это было без надобности... он легко сражал врагов силой мысли.

– Это исправимо. Я постараюсь провести тебя через лабиринт разума.

– У меня мало времени, – честно предупредил Павел. – Пожалуйста, прости.

– Время – лишь капля в океане мыслей, – пожал плечами Оракул. – Хорошо, мы возьмём только мужчину, чтобы ты почувствовал его ауру... Так будет и проще, и быстрее... Возможно, женщина недоступна и для меня. Но я был бы благодарен за ответ: зачем ты хочешь их найти? Я знаю тебя... Ты собираешься убить этого мужчину?

Павел покачал головой:

– Нет. Я стараюсь использовать все силы... чтобы оторвать его от неё...

Глава 5

Чёрное солнце

(Вевельсбург, центр города, бункер Триумвирата)

Облака спустились над городом так низко, что окутали башни Кремеля – погрузив алые камни в белое, словно в глубину снежных сугробов. Относительно башен однажды классно высказался бригаденфюрер Союза рейхсписателей Курт Воннегут: «Эти каменные столбы пропитались буддизмом. Сначала частые перемены раздражают. Далее – возмущают. Потом к встряскам вырабатывается привычка, воспринимаешь смену власти философски – и это пройдёт». Сперва Кремель венчали двуглавые орлы, позднее засветились рубиновые звёзды, но были сброшены орлами со свастикой в когтях. Да и свастика жила недолго: после Двадцатилетней Войны её в спешке убрали монтажники.

На главной площади Нибелунгов, как обычно к вечеру, иголку негде воткнуть. Толпы туристов из Ниппона освещали здания фотовспышками. Уличные киоски, управляемые грудастыми девицами, бойко разливали псевдобаварское пиво. Спившиеся (невзирая на пропаганду здоровья) ветераны турецкого легиона СС, завернувшись в пропотевшие плащи,

позировали японцам за пару иен. Рядом с Лобным местом, на «пяточке» бывшего монумента Минину и Пожарскому, тускло блестел бронзой мрачный истукан в парике и средневековом камзоле: памятник фавориту кайзерины Анны Иоанновны, немцу Эрнсту Иоганну Бирону, власти воздвигли в 1944 году. Ранее на постаменте красовалась табличка с цитатой из Бирона: **«Русландской нацией должно управлять только кнутами и топорами»**, но ещё в пятидесятых её убрали из соображений политкорректности. Собор Василия Блаженного был снесён тогда же – следовало освободить площадку для постройки копии замка Вевельсбург, высшей школы идеологической подготовки офицеров СС. Замок воздвигли в рекордные сроки, и первые консилиумы Триумvirата поначалу проходили в Зале Обергруппенфюреров – помещении в северной башне с двенадцатью колоннами и знаком «чёрного солнца» на мозаичном полу. «Чёрное солнце» считалось официальной печатью Триумvirата Москау: незримый центр Вселенной, начало всего живого на Земле, освещающий планету призрачным светом. Философ Блаватская провозгласила его символом исчезнувшего «народа льдов», жившего за полярным кругом, а рейхсфюрер Гиммлер – образом бога молний Фарбаутра.

Зал Обергруппенфюреров потрясал акустикой.

Любой голос, даже сухой и визгливый, звучал там как соловьиное пение. Центр «чёрного солнца» исторгал языки вечного огня – пламени, якобы породившего арийскую расу.

Ещё в семидесятых годах высшие чины СС вместе медитировали в этом зале: в видениях их кожа, как загаром, покрывалась тьмой зловещего светила. Сердца посвящённых лелеяли веру – скоро «чёрное солнце» откроется всем... Оно дарует арийцам счастье, а неполноценные нации ослепнут. Так, во всяком случае, говорил философ Рудольф Мунд.

Вевельсбург, органично вписавшийся в ансамбль площади Нибелунгов, вобрал в себя офисы многих чиновников рейхскомиссарата, а в 1945 году сюда перенёс своё конструкторское бюро обергруппенфюрер Ганс Каммлер, именитый специалист по «чудо-оружию». Его секретные исследования привели к созданию портативных ядерных устройств, зенитных лазеров, танков-невидимок и даже луноходов, предназначенных как для взятия проб грунта на других планетах, так и для сражений с инопланетянами.

Казалось бы, всё прекрасно. Но Вевельсбург ожидала иная судьба.

Через девять лет, во время визита в Москвау из Берлина тогдашнего рейхсканцлера Альберта Шпеера, произошёл бунт добровольческого полка СС «Варяг»: солдаты требовали выплат задержанного жалованья. Бастующие эсэсовцы захватили и сожгли Вевельсбург, Шпеер был смертельно ранен в перестрелке. Стоило отремонтировать замок, как рейхскомиссариат потрясло новое событие – на официальном обеде неизвестные всыпали яд в вино конструктора Каммлера. Власти обвинили подполье *шварцкопфов*, но в реальности

осталось загадкой, кто стоял за убийством: японская разведка или завистливые коллеги. После этих событий офис Триумвирата был переведён в подземелье – бронированный бункер с точной копией Зала Обергруппенфюреров (включая мозаику «чёрного солнца» на полу), пулемётными турелями и сложнейшей пропускной системой.

Над Площадью Нибелунгов сгустились сумерки.

Тьма растворила в себе город почти мгновенно. Редкие фонари источали блёстки слабого света, ибо правилом империи была экономия всего и вся. Власти называли это «светомаскировкой» на случай атак партизан. Даже экстремально популярные ночные клубы «Мёртвая голова» и «Дас Рейх» еле-еле подсвечивали свои вывески. На сцене нахт-клубов всегда играли два вида ансамблей: скучные симфонические оркестры с исполнением «Полёта валькирий» Вагнера и альпийские коллективы в шляпах с перьями, поющие песенки с горловым улюлюканьем. На тротуары, крадучись, вышли торговцы запрещённых сигарет. Спрятав глаза под тёмными очками, эти существа таились во мраке переулков – бледные, словно вампиры. Как правило, они *фарцевали* табаком из Ниппон коку, чёрным и смолистым, но попадался и самосад: пахучую смесь отсыпали в бумажку, пряча в карман горсть рейхсмарок. В жилых домах Москау автоматически включились телевизоры с развлекательными программами, и один из ведущих, Рюдигер Шторм, юркий малый с крашенными перекисью волосами, скользнул к микрофону:

– Что означает фраза – «десять мёртвых унтерменшей на дне моря»? Отличное начало дня!

Жители Москау готовились смеяться, уставившись в экраны. Сотни юмористов всех мастей, профессионально пишущих шутки – и тяжеловесы в ранге бригаденфюрера, и новички-обершутце, – отчаянно хохмили и зубоскалили: на любую тему, кроме политики. За автобаном в форме кольца (его официально именовали «Кольцом Нибелунгов»), в «чёрных кварталах» бесшумно отворили двери публичные дома. Отдалённые районы вроде промзоны Герингово были переполнены борделями, а работающие на износ «жрицы любви» имели ранг госслужащих Вспомогательного корпуса, что гарантировало продуктовый паёк и почётное звание «форхельферин» при выходе на пенсию. Женское население Москау ровно в два раза превышало мужское: результат бесконечных войн империи, посему плата за «любовь» была символической. Так, чисто мелочь на бутерброды.

...Субботний вечер сочился усталостью – в рейхе был всего один выходной, воскресенье. Изнурённые фабричные арбайтеры, покидая подземелья метро (станция «Священно-Римская», что в самом конце Арийской улицы, и остановка «Нюрнберг», у площади Генриха Птицелова, бывшей Лубянки), задерживались у стендов, чтобы мимоходом осушить кружку-другую псевдобаварского пива. Девушки подмигивали им, складывая губки бантиком. Секс в Москау

в большей степени был женской инициативой, мужчины вели себя лениво и пресыщенно. Есть *манн*? Надо хватать и тащить в постель, пока тёпленький, – иначе останешься на бобах. Живи сейчас, потом будет поздно. Начнётся новая война, *маннов* отправят на Урал сражаться против «лесных братьев», а оттуда немногие возвращаются. Все жители Москау мужского пола (с пятнадцати лет) считались военнообязанными и в любой момент могли быть призваны на армейскую службу. Впрочем, девушки волновались напрасно, не зная тонкостей мужской жизни, – на деле служба зачастую оказывалась фикцией. Достаточно «отстегнуть» кипу рейхсмарок доктору на призывном пункте, и тебя освобождали от армии как инвалида. К счастью, никто не вёл статистики снятия с призыва, иначе бы выяснилось, что как минимум половина мужчин Москау не имеет рук или ног, страдает от переломов позвоночника и обладает букетом неизлечимых болезней. Чиновники Москау усиленно боролись с коррупцией – ровно до тех пор, пока сами не садились в тюрьму за взятки.

Постепенно город окутывала ночь... Смех на телеэкранах сменился стонами и скрипом матрасов. Телевизоры умолкли, чтобы, как по команде, включиться в семь утра.

...Жан-Пьер поднял голову. Он ничего не видел – его глаза были закрыты специальной светонепроницаемой повязкой, обязательной при посещении бункера Триумвирата. Учёного срочно вызвали с работы, не дав даже побриться. Целый час он в пустой комнате ожидал беседы с лидерами

государства. Почему Триумvirату вдруг понадобились сведения о работе Павла? Как будто они не знали, кого наняли. Он был готов поклясться, что сидит с краю от «чёрного солнца». Если Жан-Пьер и хотел уйти, то не смог бы – его руки были связаны за спиной, а ноги прикованы «браслетами» к ножкам стула. Привычные меры безопасности. Тут не верили никому.

Послышались тихие шаги.

– Добрый вечер.

– Добрый вечер.

– Добрый вечер.

Все три голоса, почти в унисон произнёсшие приветствие, были женскими...

Архив рейхскомиссариата № 2.

«Досье FD75 – Писатели»

...«После победы Третьему рейху потребовалось создать особое литературное искусство, избавляясь от наследия большевиков, семитских плутократов и британских империалистов. Старая литературная система полностью развалилась, похоронив под своими обломками лжеписателей. Вслед за падением Москау Михалков и Фадеев бежали за Урал, где издавали подпольную «Лесную газету». Автор «Аэлиты» Алексей Толстой исчез: согласно некоторым информаторам гестапо, он сменил внешность и стал жрецом бога огня Лок-

ки. Ильф и Петров переместились во владения Ниппон коку, в город Урадзиосутоку, где написали третий роман про Остапа Бендера «Хризантемовый суслик» – неумолимый авантюрист, приехав в Токио, пытается обрести титул князя даймё. Александр Беляев, фантаст и автор романа «Голова профессора Доуэля», был арестован гестапо: писателю вменили в вину пропаганду победы большевизма, а его книги подверглись запрету. Корней Чуковский выдержал четыре судебных процесса, но всё же сумел доказать, что под образом Бармалея вовсе не имел в виду фюрера. В США родственники Маргарет Митчелл были приговорены к процедуре покаяния, а роман «Унесённые ветром» объявлен «образчиком негролюбивой беллетристики» и публично сожжён. Молодой писатель Рей Брэдбери, опубликовавший в 1953 году (за три года до капитуляции Лос-Анджелеса) роман «451° по Фаренгейту», был арестован и после суда депортирован в Африку, – сторонники Третьего рейха устроили на площадях по всей Калифорнии костры из его романов. Британская детективщица Агата Кристи перешла на сторону нового режима, написав серию книг о сотруднике гестапо Зигфриде Брауне – толстяке с усиками под фюрера, успешно раскрывающем заговоры большевистского подполья. В 1955 году в библиотеках и книжных магазинах империи была проведена «окончательная чистка», затем установлены «Общие правила для создания литературного произведения». Кандидат в писатели должен доказать, что имеет звание не ниже

унтерштурмфюрера, политически благонадежен и знает наизусть отдельные главы «Майн Кампф». После этого он получал официальный допуск к созданию книг.

Одобренные к публикации темы:

ФАНТАСТИКА – заказ на научную тему. Что будет на Земле через тысячу лет после торжества идей национал-социализма? Захват Марса («красная планета» прониклась большевизмом после бегства туда Сталина на космолёте), общество бессмертных арийцев, колонизация других планет с их вхождением в РейхСоюз.

БОЕВАЯ ФАНТАСТИКА. Популярная серия В.Е.Р.М.А.Х.Т. – о захвате атомной электростанции семитской бандой, утечке радиации и борьбе спецподразделения с большевиками-мутантами и мародёрами-одиночками. Выпущено сорок тысяч книг с продолжениями, серия обрела огромную известность среди молодёжи.

ЛЮБОВНЫЙ РОМАН. Отношения между истинными арийцами. Связи должны привести к браку, причем полигамному – в РейхСоюзе официально разрешено многожёнство. Всё завершалось чудесно: мускулистый красавец вместе с шестью своими жёнами скачет навстречу восходу. В каждой книге.

ДАМСКИЙ ДЕТЕКТИВ. Главная героиня – разведённая особа средних лет, домохозяйка или пенсионерка, изредка – следователь СД (служба внутренней безопасности), обладающая редкими дедуктивными способностями. Способ-

на распутать любое преступление. Образец для подражания – «Майн Кампф» для Гадюкино» и «Шарфюрер на горошине», пользующиеся в РейхСоюзе страшной популярностью. «Основная задача такой литературы – отвлекать женщин, – заявил в интервью «Фёлькишер беобахтер» прессфюрер Министерства народного просвещения Виктор Пилюлин. – Они читают больше книг и легче направляются в правильное русло».

ЗАПРЕЩЁННАЯ ФИЛОСОФИЯ. Эти книги подаются под соусом «для умных», обладают всем шармом запретного произведения. В основном их пишет литературный отдел – под руководством того же Пилюлина или его заместителя, майора фон Нахтигаля. Шварцкопфы с достойной наивностью считают это чтиво полулегальным: там, дескать, всегда критикуется режим. Правда, именно режим и придумал эти книги: интеллектуальной публике порой требуется выпустить пар.

С 1971 года в литературе империи преобладают серии, книги без имени автора на обложке, сочинённые коллективом неизвестных писателей-призраков: взять же В.Е.Р.М.А.Х.Т. Кумиры опасны, ибо могут увлечь, и кто знает, на чью сторону... Разумеется, в Москау и сейчас есть «звёздные романисты» – но их мало, не больше десятка. Они благонадёжны, доказали свою верность, всегда сдают романы цензору.

А большего и не требуется».

Секретно. Докладчик – гауптман литературной айнзатцгруппы Сергей Семёнов. Читать только с согласия рейхсминистра народного просвещения и пропаганды.

Глава 6

Хельхейм

(улица Весеннего Благоденствия, окраина Урадзиосутку)

За последние пару дней мы меняем уже вторую гостиницу. Нельзя провести две ночи подряд в одном месте – это она явно прочла в дешёвом шпионском романе. В чём проблема, если нас всё равно не видят в лицо? Но пойдёшь объяснить это женщине. Она витает в облаках, с упоением играя в свою *шварцкопфовскую* игру. И полагает, будто я с ней заодно. Ни в коем случае. Может, я и не в восторге, что мы живём в странном обществе, где засекречены и руководители, и писатели, и директора концернов вроде «Круппа». Но со *шварцкопфами* мне явно не по пути, благодарю покорно. Частые высокопарные слова о борьбе с режимом – это просто попсовая фишка, и не более. Правительство модно не любить, особенно среди молодёжи. В фюрерюгенде – и то рисуют карикатуры на СС и Триумвират. Но и объединившись, партизаны не в силах занять города, довольствуются контролем над лесами и деревнями. Почему? *Шварцкопфы* над этим не размышляют.

Мы лежим с ней на полу почти вплотную.

Разумеется, она голая – хоть для вида и закуталась в простынку, приоткрыв маленькую грудь. Правда, ко мне не лезет. Наверняка самодовольно полагает, что я потеряю поддержку наедине с обнажённой женщиной, тем более вкусив алкоголя. Что ж, пусть, как и все *шварцкопфы*, питается бесплодными надеждами. Я пью пиво «Кирин». Она – сливовое вино. Даже поздно ночью, на одной циновке, мы полностью разделены идеологией.

Очень темно. В дешёвом риокане нет окон.

– Этот режим держится на кауф-хофах, – шепчет она. – Никто его не любит. Смотрите, на Урал посылают лучшие части вермахта, и за несколько лет военные либо дезертируют, либо, морально разложившись, переходят на сторону партизан. Всё сгнило до основания. Ткни мизинцем, чуть-чуть, и эта власть повалится. Они на плаву лишь потому, что отключили людям мышление, погрузили их с головой в телевизор, секс и штамповку рейхсмарок.

Я глотаю пиво – из горлышка. Арийцу так пить не к лицу, но я ариец из Руссланда.

– Однако что-то Триумвират никак не свергнут, – усмехаюсь я, смакуя пивной вкус. – Болтовни много, а толку ноль. Да, на службу в вермахт сейчас кнутом не загонишь. Никому ж не хочется киснуть под дождём в лесном дозоре, предпочитают щёлкать семечки, смотреть телик и скачивать из Сёгунэ порнуху. Поэтому-то на Урале участки фронта

обороняют китайские наёмники под командованием наших офицеров. Пусть «желтопузики» гибнут по сотне на одного партизана, они сдерживают «лесных братьев». Пушечное мясо стоит дорого, и рейх берёт новые займы у Японии... Мы всё глубже залезаем в кабалу, совершенно негде брать деньги, но спокойствие необходимо. Мне не нужно, чтобы по рейхстагу снова стреляли танки, как в период Двадцатилетней Войны.

Она привстаёт, тянется ко мне. Простыня сползает до живота. От губ – запах вина.

– Да пусть стреляют, – фыркает Ольга. – Лишь бы хоть что-то стало булькать в этом вязком болоте. Рейхстаг? Сотня безликих слуг, инертная биомасса, удостоенная Триумвиратом права нажимать кнопки. Их держат лишь потому, что с рейхстага начал путь ваш фюрер, а иначе – давно бы утилизировали. НСДАП³⁷ распущена, и теперь у нас нет вообще ни одной партии. Замечательно, правда? Страна отсутствия. Нет лидеров – это призраки. Нет культуры – лишь смехуёчки по телевидению. Нет любви – только бордели. Люди так равнодушны, словно при рождении у них сразу ампутруют сердце. Богачи просаживают пачки иен в стрип-клубе «Дас Рейх», осыпая купюрами голых танцовщиц, а на окраинах их же города *шварцкопфы* взрывают бронекolonны. *Марло* и развлекаловка – вот на чём держится власть оккупантов. А Триумвират, я уверена, специаль-

³⁷ Национал-социалистическая рабочая партия Германии.

но маскируется под тень. Если есть предмет для ненависти – его ненавидят. Но как можно не любить воздух?

Марло. Так в Москау на жаргоне называют рейхсмарки. Ну, что тут сказать? Разве что упросить богиню Хель прямо сейчас забрать меня в царство мёртвых. Да, оттуда не выпустит назад пёс Гарм с четырьмя глазами, я буду вновь и вновь входить в чёрные воды реки Гьёлль, наполненной черепами и трупными червями... Дрожать от холода в Железном Лесу, слушать завывания ведьм, убегать в чашу, спасаясь от троллей.

Но... такое дикое количество минусов съедает огромный плюс. Не нужно валяться на циновке и терпеть сторонницу *шварцкопфов*, которая выносит мне мозг. Я мучаюсь уже два месяца. Слушайте, я ведь спас ей жизнь! Нет, никогда больше не сдам кровь для переливания, не уступлю место старушке. Добро наказуемо.

Нащупав в темноте вторую бутылку, открываю, только это меня и спасёт. Пиво шипит, как раздавленная змея. Оно, наверное, тоже пытается выразить протест.

– А для чего в рейхе нужен парламент? – интересуюсь я. – Он разве приносил хоть какую-то пользу? Это тупой и скучный балаган для клоунов, которых уволили за профнепригодность. При кайзере Николасе была Государственная дума – так туда, фроляйн, даже женщин не пускали: в зале стоял мат-перемат, депутаты били друг другу морду. Кстати, святой Сталин превратил кремельцев в аналогичную био-

массу... Но он же кумир *шварцкопфов*, это вас не возмущает. Парламент в Руссланде вполне заменит одна бутылка водки. Выпил, поорал, дал кому-то в рыло: совсем как в Госдуме.

Ни слова. Как обычно, она обдумывает, чем бы парировать. Тихонько поглаживаю сумку с правой стороны циновки. Присмотрел сегодня на чёрном рынке два пистолета вальтер и четыре штуки обойм: неизвестно, с чем придётся столкнуться на улицах Урадзиосутоку. Теперь я не удивляюсь, почему у Сопротивления нет проблем с боеприпасами. Тройная цена – и покупай что душе угодно. Винтовки, автоматы, пистолеты. В смазке, новенькие, с заводскими номерами. «Лесным братьям», я полагаю, военное снаряжение тоже поставляется прямо с заводов, вот почему война бесконечна. «Рыцари леса» борются против «фашистов-капиталистов», но берут налог с торговцев – на «народную войну». Вермахт клянётся умереть, защищая фатерланд от ужасов большевизма, а его интенданты на складах втихую толкают партизанам новейшее оружие. Круговорот *марла* в природе.

– Позвольте узнать – может быть, вы одобряете и рабовладение?

О, боги великие. Заберите меня на золотой мост Гьялларбру: я пройду по нему сквозь туманы гиблого Хельхейма и обнимусь с богиней мёртвых. Там лучше, чем здесь.

Простыня на ней сползла до колен.

У меня отличное самообладание. Но мы в крохотной комнате. Слишком тесно. Слышно не только её дыхание, но и ча-

стый стук сердца. Она больше не скована наручниками. Да-да, я жрец и философ. Увы, любая философия сминается в пластилин, если ты сидишь на полу, а рядом с тобой – женщина в одной простынке. Мы не христианские жрецы, нас не учили отключать сексуальные желания. Повалить, взять, овладеть... Так, о чём это я?!

Глоток пива. Он позволит настроиться на нужные мысли.

– Лично мне не мешает *арбайтенлагер*. – Я произношу эту фразу с олимпийским спокойствием. – Я бы даже сказал – он необходим. Любой житель Москау может подъехать к пункту сбора иностранных рабочих, например на станции метро «Слейпнир». Там заключается договор (использовать труд могут только лица арийской крови): наниматель платит рейху за аренду, выбирает арбайтеров, подписывает бумагу, обязуясь питать их определённой массой калорий в день. Разве это рабовладение? В Древнем Риме хозяин мог сделать с рабом что угодно, даже убить. Здесь же арбайтер – арендованная собственность рейха, ему запрещено причинять вред. Пенсионеры довольны: весной, в разгар вскапывания огородов, на землекопов скидки, у «Слейпнира» предлагают акцию «Два арбайтера по цене одного». Простите, что же тут плохого?

Если бы сливовое вино плескалось в ведре, думается, она мигом надела бы мне его на голову. *Шварцкопфы* весь Сёгунэ забили виртуальными протестами против «диктатуры оккупантов», но при этом не дайте боги высказать иное

мнение. Форумный системфюрер сразу включает *ферботен*, то есть выкидывает бедолагу из беседы: в Руссланде каждый обожает слушать только себя. Окажись завтра *шварцкопфы* у власти, я буду болтаться на первом же фонаре, да и не только я. Любая революция – сопливая романтика только в момент восстания. После победы это уже пасть дракона.

– Я так хочу заставить людей одуматься, – звучит её голос, и в нём нет злобы – лишь горечь разочарования. – Национал-социализм был идейным врагом, а тут – пустышка, клон ценой в пфенниг, дешёвое подражание Третьему рейху. Споря со мной, вы защищаете Триумвират из принципа – слишком уж не желаете захвата Москва партизанами. А на деле... Что это за фатерланд, за который воюют китайцы? Почему у высших чиновников счета в банках Токио, а люди охотнее берут иены Ниппон коку, чем наши рейхсмарки? Гестапо и СС – оплот режима, но даже они устали, служат автоматически, потому что «так положено». Логика примитивна. «К фрицам уже привыкли, а что нас ждёт при партизанах? Неизвестно. Зато сейчас есть *марло*, работают нахтклубы, рестораны и бордели». Когда я попала к вам домой, на канале «Викинг» собирались запускать новое реальное шоу – «Африка». Человека (унтерменша, естественно) забрасывают в джунгли, прикрепив на лоб мини-видеокамеру. В прямом эфире за ним охотятся – и егерское подразделение вермахта на вертолётах, и местное племя: кто убьёт быстрее. *Телефюрер* «Викинга» обещал, если развлечение

станет популярным, *райзебюро*³⁸ начнут организовывать поездки в Африку для состоятельных туристов. Типа сафари... поохотиться. Видите, что с нами делают? Мы мёртвым взглядом пялимся на кукурузное кино, читаем одноразовые книги и ржём над шутками, сочиняемыми конвейерным методом. Рейх съел мозг каждого из нас – как Ктулху. Мои братья искренне верят, что свергнут режим... А я думаю, тут поможет только лоботомия.

О, надо же, она сказала – Ктулху. Да, книги Лавкрафта в рейхе никто не запрещал.

Я обнимаю её. Совершенно неожиданно для себя.

Она затыкается на полуслове. Благословенный Асгард, надо было обнять раньше. Чуткое наслаждение тишиной: как же здорово, когда женщина молчит, а не толкает политические лозунги. Пальцы касаются кожи – она прохладная, но меня обжигает огнём. Во рту пересыхает, по губам ползут тонкие трещинки. Я вдруг ощущаю, что от неё исходит *свет*... Да-да, её тело светится. Глаза – как раскалённые угли... О, если Урадзиосутоку опять провалится под землю... да и пусть, мне не жаль. Ольга отшвыривает простыню в сторону – и остаётся совершенно обнажённой. Боги мои... Да она ОБАЛДЕННАЯ.

– Поцелуйте меня, – говорит она, и я стораю в пламени глаз напротив. – Я прошу, поцелуйте. Ведь вам самому этого хочется. Пусть всё произойдёт – прямо здесь и сейчас.

³⁸ Туристическое агентство (нем.).

– Простите, – отвечаю я охрипшим сдавленным голосом, как семиклассник, которому учительница посреди урока показала *туттен*. – Ваше самомнение переходит всякие...

Как это объяснить – то, что я ощущаю? Когда она прикасается, тело будто током бьёт. Она затягивает меня в омут, и всё, что я вижу над головой, – водоворот тины и лягушек.

– Почему вы спасли меня? – Её голос звучит, как раскат грома. – Я хочу это знать.

У меня нет сил противиться. Её энергия забирает меня в себя. Обволакивает, как мёд. Хорошо, я скажу ей, честно. Пусть потом мне будет хуже. Если она так хочет.

Наши губы рядом. Они почти соприкоснулись.

Шорох. Вроде бы едва слышный, но такой производит существо довольно крупного веса. Вот в чём плюс риоканов, там двери в форме бумажных заслонок. Акустика шикарная. В те моменты, когда приходит сразу несколько парочек, уши лопаются от стонов. Я отшатываюсь вправо, выхватываю из сумки вальтер. Щелчок затвора звучит, как гром.

– Стой на месте, – приказываю я. – Как там в кино говорят? Шевельнёшься – убью.

И тут из-за заслонки доносится то, что я никак не ждал услышать. Тихое хихиканье.

Глава 7

Номер

(Москва, ул. Хорста Весселя, лаборатория гестапо)

Едва оказавшись в своей лаборатории, Жан-Пьер Карасик с ходу занялся неотложным делом – выдвинул ящик письменного стола. Извлекая оттуда заветную флягу, он повернулся, искоса глянул на портрет фюрера на стене, словно тот мог осудить его за аморальное поведение. Фюрер (изображённый художником на фоне рейхстага, с истерически улыбающейся девочкой на руках), как и следовало ожидать, безмолвствовал: Жан-Пьер запрокинул голову и сделал внушительный глоток перцовки. Затем, без паузы, второй. Руки плохо слушались – дрожали, будто с похмелья. Пытаясь закрыть флягу, Карасик уронил пробку, та зазвенела, подскакивая на керамических плитах пола.

Учёный никак не мог успокоиться.

Похоже, он ошибся в разговоре с Павлом, – всё взорвётся значительно раньше. Только что Триумvirат озвучил секретную информацию: *раздражение* перешло на новый уровень. Да-да. Это ожидалось, но не так скоро... Вчера утром, в лесу близ города Иоханнесбург (бывшее Иваново), исчез персонал базы СС, где тренировали спецназ для антипартизанских операций. Само здание, комнаты, даже тарелки супа в столовой сохранились, а вот люди – **пропали**. На стене

нашли странную надпись кровью, которую успел начертать один из эсэсовцев, – ДРУГОЙ. Вот и гадай теперь, что это значит.

Третий глоток. Он совсем не чувствует перца.

Жан-Пьеру разом припомнились досье из архива РСХА, изученные в последнее время. Индейцы майя, X век нашей эры. Среди бела дня вдруг исчезли жители нескольких городов на Юкатане. Уцелевшие племена в ужасе бежали на север, думая, что подверглись наказанию богов. Поселение Руанук в Северной Америке, где в 1590 году испарились сразу 118 душ, не оставив ни единого следа... На столах ТОЖЕ была еда, они собирались обедать... и неожиданно пропали. В 1930 году невесть куда унеслись обитатели эскимосской деревушки Аньякуни, все двести человек... Полиция, прибыв туда, увидела: в домах горит свет, а вот людей нет. В декабре 1945 года из Кантона в Шанхай вышел поезд с сотнями пассажиров, и... не пришёл в пункт назначения. Просто улетучился. Состав долго искали, но никто из тех, кто купил билет на этот поезд, так никогда и не был найден – живым или мёртвым³⁹.

Какой же вывод? Да самый неутешительный.

Раздражение имело место и раньше. Оно повторяется с завидной периодичностью: но раньше либо уходило само,

³⁹ Случаи с городами майя и посёлком Руанук имели место в действительности. Были даны сотни версий, сняты фильмы, написаны книги. Однако научного объяснения исчезновению людей не получено.

либо его как-то изживали. В любом случае оно заканчивалось, но сейчас идёт вширь, разбухает. Самая серьёзная эпидемия за время существования человечества, и *раздражитель* – намного сильнее предыдущих. Жан-Пьер вспомнил, как впервые увидел последствия *раздражения* в глухих поморских деревнях, под Архангельском... Да, ЭТО уже тогда начиналось: в районах, где ночь издавна длиннее дня. Что он там обнаружил? Ту же хрень, что и в храме Одина на Арийской. Ухваты, горшки, печи стали полупрозрачными, невесомо *плавали* в воздухе... а затем и вовсе делались невидимыми, куда-то проваливались. Сквозь бревенчатую стену дома можно было просунуть руку, словно это не дерево, а зыбучий песок. С каждым месяцем *заражённых* объектов становилось всё больше и больше, шла цепная реакция. Их не успевали закрывать саркофагами, ставить по периметру блокпосты и охрану из СС. В призраки превращались не только дома, но целые участки леса – и под Петербургом, и недалеко от Москвау. Поразительно, только что были ёлки – и вот их нет... Идёшь сквозь чащу, а в ушах странный шелест, что-то сыплется – будто пробираешься через песчаный бархан. Бывало, за одну минуту таял целый колхоз⁴⁰, и тогда обезумевших жителей изолировали в специальных лагерях. Они не должны были рассказать о том, что видели.

Жан-Пьер приложился к фляге – весьма ощутимо.

⁴⁰ В оккупированных районах СССР в 1941–1943 гг. немецкая администрация не упраздняла колхозы – «это лучший способ управления крестьянами».

Но раньше исчезали здания. Деревья. Холмы. Посуда. Цветы на окнах. Растворялись, превращаясь в воздух. И в гестапо, и в Триумvirате осознавали – это первый шаг, на очереди люди. Этого ждали – и вот, дождались. Сто человек, спецназовцы, тренированные убийцы – испарились, не оставив пылинки. Куда их перенесло? Что с ними случилось? Впрочем... Удивительно, но самое страшное даже не это. Исчезали поселенцы в Руануке, пропал поезд в Шанхае – и тут бы тоже рано или поздно дошло до людей, учёные гестапо были к этому готовы. Гораздо хуже **другое**.

В дверь деликатно постучали.

– Войдите, – сухо сказал Жан-Пьер, отработанным движением спрятав флягу в ящик стола.

Замок лязгнул, и в дверном проёме показалось синее колесо тележки уборщика. Низкорослый, но худенький и шустрый дедушка, настоящего имени которого в гестапо никто не знал. Сотрудники лаборатории в шутку именовали его Адольфычем. Карьерой старичок не увлекался, к старости дослужился до *бешлагмайстера* Службы чистоты.

– Хайлюшки, оберштурмфюрер, – фамильярно поздоровался дед. – Прибраться не надо?

Карасик с сожалением посмотрел на дно ящика, где среди бумаг притаилась фляга.

– Хайлюшки, либерфатер, – вздохнул он. – Давай, если только быстро.

– Да я мигом, – кивнул Адольфыч, втаскивая за со-

бой брэнчащий агрегат со швабрами и цинковым ведром. – Словно при взрыве пехотной мины – одна нога здесь, другая там-с.

Он закатился скрипучим смехом. Засучил рукава, вытащил из ведра с водой тряпку...

Жан-Пьер резко согнулся. Кашель душил его, выворачивая наизнанку.

На запястье Адольфыча, сразу от ладони проявился **номер**. Из пяти цифр: особенно чётко темнели 6 и 2, – татуировка, сделанная размытыми чернилами. Чуть-чуть покосившийся влево, словно пьяная девица на дискотеке записывала номер телефона...

Адольфыч перехватил взгляд, инстинктивно посмотрел на руку и выронил швабру.

– П-простите... – залепетал старик. – Честное слово, я... это уже давно, я ребёнком был, с мамой... в лагере Равенсбрюк... там его ставили... я почти не помню, мне было пять лет. Номер свели начисто, в семидесятых годах ещё. От-откуда он? Я н-не п-понимаю.

Жан-Пьер ощутил, что, несмотря на перцовку, он сейчас тоже начнёт заикаться.

Оберштурмфюрер махнул уборщику в сторону двери.

Старик, пятясь, как краб, потащил тележку назад. На его лице застыло выражение удивления и даже страха. Он пытался спрятать руку за спину, неловко её выворачивая.

Дверь захлопнулась. Мда, неожиданно. Только что в бун-

кере Триумвирата он получил секретную информацию, едва успел переварить – и вот оно, живое подтверждение.

Заражение мутировало. Теперь настоящее исчезает... **зато прошлое появляется.**

Вчера на месте концлагеря Аушвиц, в генерал-губернаторстве Польша (к слову сказать, там всё давно уже расчистили и засеяли семенами цветов), из воздуха возникло слабое, но различимое изображение печей крематория. А на плацу засветились контуры рождественской ёлки. Казалось бы, что здесь такого? О, да ведь в 1940 году, перед Рождеством, вице-комендант концлагеря Карл Фриш поставил на плацу дерево, а под еловыми ветвями грудой свалил трупы обмороженных узников – «новогодние подарки».

Проявился крематорий. Проявляются номера на руках. Что дальше?

Оберштурмфюрер Карасик прикончил флягу последним глотком, закуски ему не потребовалось. Он наконец-то успокоился. Ну, что ж... Они скрывали *заражение* годами, и довольно успешно. Однако теперь у людей появятся вопросы. «Неужели то, что пишут про рейх на форумах «лесных братьев» в Сёгунэ, – правда?» Войска империи жгли, насиловали и убивали миллионы славян, считая их «неполноценной расой»? Потом какой-нибудь умник извлечёт на свет самую первую версию «Майн Кампф» (ещё до редакции) и задаст вопросом: значит, в Берлине определяли нас как рабочий скот?

А вот тогда уже и начнётся праздник.

Империя погрузится в смуту, «лесные братья» используют свой шанс. Лучше, чем во время Двадцатилетней Войны, – тогда их летнее наступление на крупные города было не без труда, но отбито. И вермахт, и эсэсовцы объединились, чтобы дать отпор... Сейчас же РейхСоюз развалится на мелкие осколки, как разбитый кувшин. И хотя Жан-Пьер презирал власть Триумvirата, он прекрасно понимал – заняв города, партизаны начнут массовые казни всех, кто служил в СС и гестапо... Они и не скрывали намерений.

Бежать? Да, есть куда. Но что делать потом? Подметать улицы в Токио, водить такси, как русские графы в Париже после революции, ночевать на охапке тряпья в подвале?

Карасик вытряхнул последнюю каплю из фляги.

Паша Локтев ведёт себя так, словно у них – вагон времени. А его в обрез. Если не остановить *раздражитель*, империя попросту начнёт таять, как снеговик весной. Под лучами солнца превратятся в лужу дивизии СС «Викинг» и «Мёртвая голова». Осядут на асфальт ноздреватой массой здания гестапо, Министерства народного просвещения и пропаганды, замок Вевельсбург – вместе с сотрудниками. Исчезнут города. РейхСоюз распадётся на частицы пепла, его остатки развеет горячий ветер... Партизаны пройдут сквозь стены-призраки, ведь некому станет сопротивляться «лесным братьям». И где тогда Паше тратить своё *марло* – посреди пустоши и видений?

Жан-Пьер раскрыл папку. На титульном листе стояла печать с чёрным орлом.

Двумя пальцами, словно карманник, он вытащил бумагу и проглядел на свет: так проверяют банкноту, на месте ли водяные знаки. О, надо же. Когда после убийства обер-коменданта фон Травинского провели анализ ДНК убитых *шварцкопфов*, никому и в голову не пришло изучить кровь Ольги Селиной более детально. Провели обыск у неё дома, взломали электронную почту, опросили соседей – подробный отчёт прилагается. Забыли одно. При устройстве на ЛЮБУЮ работу, по законам Москау, сотрудники обязаны сдать в спецхранилище образец ДНК. Он запросил оттуда мензурку с кровью. Перед встречей с Триумвиратом сделал расширенный анализ. На редкость тщательно изучил полинуклеотидные цепи её ДНК, и... да. Впрочем, почему он психует? Такого следовало ожидать после эксперимента под Новгородом, с пламенем и массовым психозом. Сейчас он ещё немножко отдохнёт и звякнет на *эфунк* Паше. Тот должен знать, с чем ему придётся столкнуться. И уяснить: возможно, его способности не пригодятся.

Ольга Селина – не человек. Она вообще непонятно откуда.

Путеводитель № 1.

«Культурные особенности городов РейхСоюза»

«...Вскоре после торжества идей национал-социализма, столицы главных рейхскомиссариатов (вроде Москау, Амстердама, Лондона, Далласа, Осло) подверглись перепланировке: улицы в большинстве своём получили новые названия, многие здания были взорваны и заменены архитектурными комплексами «тевтонского стиля». Например, Новодевичий монастырь в Москау снесён в 1964 году. Он превратился в тайный символ сторонников «лесных братьев»: ведь именно в Новодевичьем была заключена принцесса Софья Глупая, сестра кайзера Петера Первого, ярая противница немецкой культуры. На месте монастыря по проекту архитектора Алекса Обергау возвели здание гестапо с сетью подземных помещений. Автобан во флюгхафен им. Бисмарка получил название Гинденбургского, а самая широкая улица Москау – Проспект «Майн Кампф». Метрополитен имени рейхсляйтера Бормана включил такие станции, как «Фридриха Великого», «Прусская», «Шоссе Гогенцоллернов» и «Бранденбургские ворота» (в прошлом станция «Красные ворота»). «Парк культуры» сделался «Триумфом воли», «Смоленская» (построенная при Сталине) – станцией «22 июня». «Киевская» сменила своё имя уже в 2004 году, вскорости после окончания Двадцатилетней Войны. По причине ссоры с рейхскомиссариатом Украина она стала станцией «Остермановской». В этот период улицы называли именами немцев, трудившихся в прежние времена на благо Руссландской империи. В 2005–2010 годах в Москау появились

переулок министра Клейнмихеля⁴¹, скверик премьера Бориса Штюрмера⁴², невесть какое количество садов, названных в честь кайзера Петера III – голштинца, едва знавшего русский язык, но имевшего чин прусского полковника.

Всюду воздвигали схожие памятники двум Катаринам – и Первой, и Второй, с особым подчёркиванием – обе правительницы были чистой арийской крови. Болотная площадь удостоилась имени Михельсоновская (во славу премьер-майора из эстляндских немцев, подавившего восстание Емельяна Пугачёва), а именем фельдмаршала Миниха (военачальника кайзерины Анны Иоанновны) одарили Спасскую башню. Лефортово не переименовали, а вот Преображенская стала площадью Анны Монс, опальной возлюбленной кайзера Петера Великого. Село Холмогоры на севере Руссланда стало носить имя Брауншвейг-Люнебургское: в честь немцев-правителей из этой фамилии, свергнутых несправедливой кайзериней Елизаветой Петеровной⁴³. Соловецкий монастырь в 1944 году передали митрополиту Сергию Воскресенскому, основателю Арийской православной церкви, и поныне там живут монахи. Сенатскую площадь в Санкт-Петер-

⁴¹ Петр Клейнмихель – один из фаворитов императора Николая I, занимал должность управляющего железнодорожными путями России в 1842–1855 гг.

⁴² Борис Штюрмер – с 10 января по 20 ноября 1916 г. премьер Российской империи. В 1917 году арестован новыми властями, умер в тюрьме.

⁴³ Регентша Российской империи Анна Леопольдовна Брауншвейг-Люнебургская была в 1741 г. низложена царевной Елизаветой и позже вместе с мужем Антоном Ульрихом сослана на жительство в Холмогоры.

бурге после смерти гауляйтера Украины Эриха Коха переименовали в Коховскую, а памятную колонну у храма бога Улля петербуржцы до сих пор величают «палочкой Коха». Однако, ввиду частых убийств высших чиновников Третьего рейха партизанами, стало ясно – улиц на всех не хватит. Проспекты многих городов империи названы в честь религии РейхСоюза. Есть не только улицы Тора, Одина и Локки, – Нескучный сад в Москау стал Лесом Валькирий, Фонтанка в Петербурге – Хвельгемир (ядовитый источник в «стране мрака»), Крещатик в Киеве – улица Чёрного Дракона Нидхёгга. Между тем масса новых зданий признана Лигой Наций мировым культурным достоянием.

Роспись и мозаики в Метрополитене имени Бормана выполнены лучшими художниками Третьего рейха. На «Остермановской» сохранилась редкая фреска, где фюрер изображен в момент въезда в Киев на белом коне, а украинские женщины подносят ему капустные котлеты и минеральную воду. Вестибюль «Триумфа воли» уставлен бюстами арийских спортсменов, заработавших 33 золотые медали на Олимпийских играх 1936 года в Берлине. У выхода со станции «Бауэрская» (бывшая Руссландская «Сельскохозяйственная Выставка») установлен памятник Гансу-Ульриху Руделю – в честь первого полёта человека в космос. Облачённый в скафандр, Ганс сидит в колеснице, держа в руках поводья Хримфакси, – согласно мифологии викингов, этот конь возит Луну. Улица Кирова (она же Мясницкая) сдела-

лась Сосисочной, и теперь там расположены самые лучшие пивные Москау – «Бюргербройкеллер» (копия зала, где фюрер начал «Пивной путч» в августе 1923 года), «Арийская трапеза» и «Принцесса Гессен-Дармштадская». Последняя раньше называлась «Лев Толстой», но её переименовали после скандальной статьи в «Фёлькишер Беобахтер», где доказали, что Лев – суть семитское имя. Балтика (рейхкомиссариат Остланд) осталась единственным в РейхСоюзе местом, где фюрера чтут как святого великомученика, и даже установили его скульптуру на ДOME черноголовых в Риге в благодарность за освобождение от большевизма. А в Таллине, у башни Длинного Томаса, воздвигнута тридцатиметровая статуя фюрера – рейхсканцлер, подняв в одной руке факел Свободы, другой прижимает к себе эстонскую девочку, символизируя защиту от красных орд. Город Минск в 1971 году был переименован в Слейпнир, во славу восьминогого коня Одина. Обер-комендант города (он у власти уже 70 лет, пережил около полусотни нападений партизан, вследствие чего оглох и ослеп) строит конюшни, расширил ипподром, часто устраивает скачки на «Кубок Слейпнира», привлекая туристов из Ниппон коку».

Резолюция: «Снять с печати, отправить в спецхранилище гестапо. Автора привлечь к ответственности по статьям «Богохульство» и «Осквернение имён мучеников».

Обер-комендант Москау, группенфюрер СС Георг фон Травинский».

Глава 8

Ожившая тьма

(окраина Урадзиосутоку, риокан «Кюсю»)

Ухмылка сползает с моего лица. Я перехватываю рукоять вальтера обеими руками.

– Я буду считать до трёх. Если ты не выйдешь, тогда...

– Любопытно, – осведомляется голос, тихий и вежливый. – И что же тогда вы сделаете?

Сухой треск со всех сторон. Журавли на заслонках взрываются бумажными лохмотьями. Комната наполняется японскими солдатами: их пять с одной стороны и пять с другой. Одинаковые в своих зелёных мундирах, как игрушечные крокодильчики, в руках – автоматические винтовки «Арисака». На моём лбу перекрещиваются точки инфракрасных прицелов. Чуть пригнувшись, в комнату заходит человек – в котелке и костюме-тройке.

Умилительно. Эти японцы так старомодны.

– Кладите вальтер, – на прекрасном русландском приказывает японец. – Сейчас же.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.